2/6 1935

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 15

15-го ЯНВАРЯ 1902 ГОДА.

№ 15

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Какъ и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1902 годъ. Какъ и всегда, оказывается, — по увѣреніямъ министра, — что все обстоитъ благополучно: „финансы въ совершенно благопріятномъ состояніи", въ бюджетѣ „неуклонно соблюдено равновѣсіе", „жел.-дорожное дѣло продолжаетъ успѣшно развиваться" и даже „происходитъ постоянное наростаніе народнаго благосостоянія"! Неудивительно, что у насъ такъ мало интересуются вопросами государственнаго хозяйства, не смотря на всю ихъ важность: интересъ притупленъ обязательнымъ казеннымъ славословіемъ, каждый знаетъ, что бумага все терпитъ, что публику „все равно" „не велѣно пущать" за кулисы оффиціальнаго финансового фокусничества.

На этотъ разъ однако особенно бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Фокусникъ съ обычной ловкостью показываетъ публикѣ пустыя руки и, взмахивая ими, предъявляетъ одну за другой золотыя монеты. Публика аплодируетъ. Но фокусникъ тѣмъ не менѣе начинаетъ самъ преусерднѣйшимъ образомъ защищаться и, чуть не со слезами на глазахъ, увѣряетъ, что онъ не мошенничаетъ, что дефицита нѣтъ, что долговъ у него меньше, чѣмъ имущества. Русская публика такъ вышколена по части благопристойнаго поведенія въ присутственныхъ мѣстахъ, что ей становится вчужѣ какъ-то неловко, и только немногіе бормочутъ про себя французскую пословицу: „кто извиняется, тотъ самъ себя обвиняетъ".

Посмотримъ, какъ „извиняется" нашъ Витте. Гигантскій расходъ почти въ два милліарда рублей (1.946 мил.) покрытъ полностью только благодаря тому, что 144 мил. взяты изъ знаменитой „свободной наличности" государственнаго казначейства, а свободная наличность дополнена прошлогоднимъ 4% займомъ въ 127 мил. руб. (весь заемъ былъ въ 148 мил. руб., но 21 мил. еще не дополученъ). Значитъ, дефицитъ покрытъ займомъ? — Ничуть не бывало, увѣряетъ насъ магъ, „заключеніе займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотрѣнные смѣтами расходы", такъ какъ за покрытіемъ ихъ оставалось „вполнѣ свободныхъ" 114 м. р., а желаніемъ строить новыя желѣзныя дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первыхъ, дефицита вы этимъ не опровергаете, ибо даже „вполнѣ свободными" 114 м. р. не покрыть расхода въ 144 м. р. Во-вторыхъ, въ свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышенія поступленія обыкновенныхъ доходовъ въ 1901 г. противъ предположеній росписи, а наша печать давно уже указываетъ, что вы искусственно уменьшаете предположенія росписи доходовъ, дабы фиктивно вздувать „свободную наличность" и неуклонно повышать налоги. Такъ, въ прошломъ году повышены гербовыя пошлины (новый гербовый уставъ), повышена цѣна казенной водки: съ 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышеніе таможенныхъ пошлинъ (произведенное въ 1900 г. якобы „временно" въ виду Китайской войны), и пр. Въ третьихъ, воспѣвая „культурную роль" желѣзныхъ дорогъ, вы скромно умалчиваете о чисто-русскомъ и совсѣмъ некультурномъ обычаѣ грабить казну при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (не говоря уже о безобразной эксплуатаціи жел.-дор. подрядчиками рабочихъ и голодающихъ крестьянъ!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки сибирской жел. дороги сначала была опредѣлена въ 350 м. р., а на дѣлѣ израсходовано 780 м. р., всего же перевалитъ, вѣроятно, и за милліардъ (какой грабежъ шелъ на сибирской дорогѣ, объ этомъ „Искра" уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, безъ пропусковъ, а вотъ на счетъ дѣйствительной величины расходовъ попробовали бы дать отчетъ!

Затѣмъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что постройка жел. дорогъ въ 1902 г. вызвана отчасти военными цѣлями нашего „миролюбиваго" правительства (громадная Бологое-Сѣдлецкая линія, протяженіемъ болѣе 1000 верстъ), отчасти безусловной необходимостью хоть чѣмъ-нибудь „помочь" угнетенной промышленности, въ дѣлахъ которой Государственный Банкъ заинтересованъ непосредственно. Гос. Банкъ не только щедро ссужалъ разныя пошатнувшіяся предпріятія, но и принялъ многія изъ нихъ фактически въ свое полное завѣдываніе. Банкротство промышленныхъ предпріятій грозило привести къ государственному банкротству! Наконецъ, не забудемъ и того, что постоянное повышеніе суммы займовъ и размѣра налоговъ происходитъ, подъ управленіемъ „геніальнаго" Витте, не смотря на то, что всѣ капиталы сберегательныхъ кассъ обращаются всецѣло на поддержку государственнаго кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во вниманіе, — и вы поймете, что Витте ведетъ хищническое хозяйство, что самодержавіе медленно, но вѣрно идетъ къ банкротству, ибо нельзя же безъ конца повышать налоги, и не всегда же будетъ русскаго царя выручать французская буржуазія.

Витте защищается отъ обвиненія въ увеличеніи государственной задолженности такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться. Онъ сравниваетъ долги и „имущество", сопоставляетъ сумму госуд. займовъ въ 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенныхъ жел. дорогъ за тѣ же годы и выводитъ уменьшеніе „чистой" задолженности. А вѣдь у насъ и еще есть имущество: „крѣпости и военныя суда" (ей-богу, такъ и сказано въ докладѣ!) порты и казенные заводы, оброчныя статьи и лѣса. — Великолѣпно, г. Витте! Но не замѣчаете-ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызванъ въ судъ по обвиненію въ банкротствѣ и который начинаетъ оправдываться передъ людьми, собирающимися описывать его имущество? Вѣдь покуда предпріятіе стоитъ дѣйствительно непоколебимо прочно, — никому и въ голову не придетъ требовать спеціальнаго обезпеченія займовъ. Вѣдь никто не сомнѣвается, что „имущества" у русскаго народа имѣется много, но чѣмъ больше этого имущества, тѣмъ сильнѣе вина людей, которые несмотря на обиліе имущества ведутъ хозяйство только при помощи увеличенія займовъ и повышенія налоговъ. Вѣдь вы доказываете только то, что народу слѣдуетъ какъ можно скорѣе прогнать распоряжающихся его имуществомъ хищниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылки на спеціальныя государственныя имущества въ обезпеченіе государственныхъ займовъ дѣлала до сихъ поръ изъ всѣхъ европейскихъ странъ одна только Турція. И эти ссылки вели естественно къ тому, что иностранные кредиторы налагали свой контроль на распоряженіе тѣмъ имуществомъ, которое должно обезпечить возвратъ данныхъ ими взаймы денегъ. Хозяйство „великой русской державы" подъ контролемъ прикащиковъ Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы намъ, г. Витте!*)

Мы не говоримъ уже о томъ, что крѣпости и военныя суда ни одинъ банкиръ въ залогъ не возьметъ, что это не плюсъ, а минусъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Но и жел. дороги могутъ служить обезпеченіемъ только тогда, когда онѣ приносятъ доходъ. А изъ того же доклада Витте мы узнаемъ, что до самаго послѣдняго времени всѣ русскія жел. дороги вообще приносили убытокъ. Только въ 1900 г. покрытъ былъ дефицитъ по сибирскимъ дорогамъ и получилась „небольшая чистая прибыль", настолько небольшая, что о величинѣ ея Витте скромно молчитъ. Молчитъ онъ и о томъ, что за первыя двѣ трети 1901 г. выручка желѣзныхъ дорогъ въ Евр. Россіи понизилась, по случаю кризиса. Каковъ-то былъ бы балансъ нашего жел.-дор. хозяйства, еслибы сосчитать не только казенныя цифры выданныхъ на постройку денегъ, но и дѣйствительныя суммы расхищенныхъ при постройкѣ денегъ? Не пора-ли въ самомъ дѣлѣ передать это дѣйствительно цѣнное имущество въ болѣе надежныя руки?

О промышленномъ кризисѣ Витте говоритъ, разумѣется, въ самомъ успокоительномъ тонѣ: „заминка", „несомнѣнно общихъ промышленныхъ успѣховъ не коснется и, по истеченіи нѣкотораго промежутка времени, вѣроятно (!!), наступитъ новый періодъ промышленнаго оживленія". Хорошо утѣшеніе для милліоновъ рабочаго класса, страдающихъ отъ безработицы и уменьшенія заработка! Въ перечнѣ государственныхъ расходовъ вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указанія на то, сколько милліоновъ и десятковъ милліоновъ бросила казна на прямую и косвенную поддержку „страдающихъ" отъ кризиса промышленныхъ предпріятій. А что при этомъ не останавливались и передъ гигантскими суммами, видно изъ того, сообщеннаго въ газетахъ, факта, что общій размѣръ ссудъ, выданныхъ Гос. Банкомъ съ 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г. увеличился съ 250 м. руб. до 449 м. р., а размѣръ промышленныхъ ссудъ съ 8,7 м. до 38,8 м. р. Даже убытокъ въ 4 м. р. по промышленнымъ ссудамъ нисколько не затруднилъ казны. Рабочимъ же, которые приносили на алтарь „промышленныхъ успѣховъ" не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь милліоновъ, существующихъ на ихъ заработокъ, — рабочимъ казна помогала тѣмъ, что „даромъ" высылала ихъ тысячами изъ промышленныхъ городовъ въ голодающія деревни!

Слова „голодъ" Витте совсѣмъ избѣгаетъ, увѣряя въ своемъ докладѣ, что „тяжелое вліяніе неурожая... будетъ смягчено щедрой помощью нуждающимся". Эта щедрая помощь, по его же словамъ, равняется 20 м. р., тогда какъ недоборъ хлѣба оцѣнивается въ 250 м. р. (считая по очень низкой цѣнѣ, по 50 коп. за пудъ, не за то сравнивая съ годами благопріятныхъ жатвъ). Неправда-ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ „щедро"? Допустите даже, что только половина недобора падаетъ на крестьянскую бѣдноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оцѣнивали скаредность русскаго правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 „Искры"), что правительство урѣзываетъ ссуды впятеро. Щедръ русскій царь не на помощь мужику, а на полицейскія мѣры противъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ помочь голодающимъ. Щедръ онъ также и на милліоны, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирнѣй кусокъ у Китая. За два года — сообщаетъ Витте — на китайскую войну изъ чрезвычайныхъ расходовъ пошло 80 мил. руб., да „сверхъ того весьма значительныя суммы были издержаны за счетъ обыкновеннаго бюджета". Всего, значитъ, вѣроятно до сотни милліоновъ рублей, если не свыше! Безработный рабочій и голодающій мужикъ могутъ утѣшиться тѣмъ, что Манчжурія за то навѣрное будетъ наша...

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ лишь вкратцѣ коснуться остальныхъ частей доклада. Витте защищается также отъ обвиненія въ скудости расходовъ на народное просвѣщеніе: къ 36 м. р. по смѣтѣ этого министерства онъ прибавляетъ расходы на учебное дѣло всѣхъ другихъ вѣдомствъ и „нагоняетъ" цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной вѣрности) цифра совершенно мизерна на всю Россію, и по отношенію ко всему бюджету не составляетъ и пяти процентовъ. — То обстоятельство, что „нашъ государственный бюджетъ построенъ по преимуществу на системѣ косвеннаго обложенія" Витте считаетъ преимуществомъ, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности „соразмѣрять потребленіе обложенныхъ предметовъ со степенью благосостоянія". На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, косвенное обложеніе, падая на предметы потребленія массъ, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бѣдноту, создавая привилегію для богатыхъ. Чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ большую долю своего дохода отдаетъ онъ государству въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Мало имущая и неимущая масса составляетъ $^9/_{10}$ всего народонаселенія, потребляетъ $^9/_{10}$ всѣхъ обложенныхъ продуктовъ и платитъ $^9/_{10}$ всей суммы косвенныхъ налоговъ, а между тѣмъ изъ всего народнаго дохода она получаетъ какихънибудь двѣ-три десятыхъ.

Въ заключеніе — интересная „мелочь". По какимъ статьямъ всего болѣе увеличились расходы съ 1901 по 1902 годъ? Вся сумма расхода увеличилась съ 1788 м. р. до 1946 м. р., т. е. менѣе, чѣмъ на одну десятую. Между тѣмъ почти на четверть возрасли расходы по двумъ статьямъ: „на содержаніе особъ Императорской фамиліи" — съ 9,8 м. р. до 12,6 м. р. и „на содержаніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ" съ 3,98 м. р. до 4,04 м. р. Вотъ отвѣтъ на вопросъ: какія „нужды русскаго народа" наиболѣе настоятельны? И какое трогательное „единеніе" царя съ жандармами!

---

*) Витте самъ замѣтилъ неловкость своихъ разсужденій объ „имуществѣ" и поэтому въ другой части своего доклада онъ старается „поправиться", заявляя, что возрастаніе стоимости государственнаго имущества „въ примѣненіи къ обязательствамъ русской казны не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ кредитъ Россіи *не* нуждается въ спеціальныхъ обезпеченіяхъ". Ну, конечно! А подробный разсчетецъ съ перечнемъ этихъ спеціальныхъ обезпеченій всетаки оставленъ — на всякій случай!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Еще о демонстраціяхъ въ Екатеринославѣ.

„15 декабря въ 5 час. толпа на проспектѣ достигла 5000 чел. Въ 5 час. 20 мин., въ тотъ моментъ, когда хлынулъ дождь, толпа душъ въ 300-400, преимущественно ремесленниковъ, съ криками: „Да здравствуетъ политическая свобода!" быстро двинулась по бульвару. Было поднято красное знамя съ надписями. Пѣхота въ это время была далеко. Говорятъ, что съ балконовъ и тротуаровъ слышались аплодисменты въ отвѣтъ на крики: „Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!"

За главной массой манифестантовъ бѣжали кругомъ городовые. Хватали кой-кого, но толпа отбивала, она же отбросила и набила городовыхъ, заграждавшихъ ей путь. Вообще, полиціи досталось, защищалась она трусливо и не разъ бѣжала. Вдругъ налетѣла сотня казаковъ, и началось избіеніе. Демонстрантовъ старались не разогнать, а избить. Казаки въѣзжали на бульваръ, набрасывались на отдѣльныя группы и личностей и избивали плетьми и даже обнаженными шашками. Толпа дѣйствовала стойко, защищалась палками и камнями, разобрала мостовую: говорятъ, одинъ студентъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ казака, ударившаго его жену. Среди отбитыхъ толпой арестованныхъ оказалось много раненыхъ. Вся битва длилась 15-20 мин. Манифестанты кинулись въ перпендикулярныя къ проспекту улицы, и тамъ ихъ настигали и избивали казаки. Казаки били и топтали даже публику, дожидавшуюся пересадки на трамвай.

Система ареста практиковалась такая: выхватятъ изъ толпы, изобьютъ и безъ чувствъ бросаютъ въ фуру и увозятъ. Подъконецъ самъ губернаторъ на лошади, окруженный штабомъ, распоряжался избіеніемъ. При появленіи на проспектѣ онъ былъ освистанъ.

Часамъ къ шести манифестанты были разсѣяны. По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, арестовано 68 чел., изъ нихъ 30 рабочихъ и 18 студентовъ. 16-го съ утра казаки скакали по бульварамъ, не позволяя останавливаться даже двумъ человѣкамъ. Къ 4 часамъ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ гуляла по бульвару и въ Яковлевскомъ скверѣ, но не могла соединиться. Всюду, даже въ церкви противъ сквера, были спрятаны казаки и солдаты. Тогда въ толпѣ стали передавать шопотомъ: „на Чечелевку!" (рабочій кварталъ). Въ то время, какъ въ субботу демонстранты состояли, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, въ воскресенье пришли и заводскіе, но преобладали все же ремесленники.

Полиція, очевидно, не сообразила, куда удаляется толпа. На первой Чечелевкѣ сошлось душъ 150-200 раб., изъ всѣхъ дворовъ повысыпали обыватели, раздавались возгласы: „идемъ на рабочую демонстрацію!" И демонстрація состоялась: пѣли революціонныя пѣсни, раздавались революціонные возгласы, было два знамени. Рабочіе прошлись по улицамъ и разошлись съ криками: „До 1-го мая!" и т. п.

Казаки пріѣхали, когда все уже кончилось, и могли побить только постороннюю публику,

Возбужденіе, повидимому, сильное. Въ научномъ обществѣ, открытомъ въ домѣ губернатора и подъ его предсѣдательствомъ, въ субботу вечеромъ собраніе было сорвано большинствомъ. Заявляли, что послѣ того, что сейчасъ было на улицѣ, нельзя спокойно засѣдать, выбирать членовъ. Изъ 80 членовъ только 15 высказалось противъ закрытія засѣданія.

Арестуютъ гимназистовъ, подростковъ, такъ что возмущеніе проникаетъ всюду.

Всѣ арестованные сильно избиты, есть тяжело раненные. Одному студенту просѣкли шашкой шапку, и рана на головѣ въ $^1/_4$ д. длины, другому тоже повредили надкостницу".

Изъ Нижняго-Новгорода. Нашъ Нижній началъ подавать нѣкоторые признаки жизни приблизительно съ весны 1901 года. До этого времени гдѣ-то, въ нѣдрахъ его копошились люди, велась пропаганда среди рабочихъ, но все это настолько слабо, что результатовъ, видимыхъ простымъ глазомъ, не замѣчалось. Весной понаѣхало много молодежи, высланной изъ различныхъ университетовъ, и жизнь „общества" какъ-будто немного оживилась. Въ апрѣлѣ проектировалось даже этой молодежью устроить демонстрацію съ девизомъ: „За отмѣну временныхъ правилъ", но мѣстная либеральная интеллигенція клятвеннымъ обѣщаніемъ ходатайствовать передъ правительствомъ петиціей за отмѣну временныхъ правилъ убѣдила молодежь отказаться отъ своего намѣренія. Какъ уже сообщалось въ № 4 „Искры", вопросъ о демонстраціи обсуждался публично въ клубѣ съ разрѣшенія губернатора. Разрѣшеніе это было весьма ловкимъ пріемомъ. Всѣ благонамѣренные люди чуть не со слезами на глазахъ убѣждали не устраивать демонстраціи. „Подождите, не портите и не мѣшайте правительству, оно само идетъ къ кореннымъ реформамъ. Вотъ оно уже разрѣшило намъ собраться и обсуждать такой „нелегальный" вопросъ, какъ демонстрація, — это громадная побѣда, теперь, значитъ, мы всегда можемъ публично обсуждать всѣ подобные вопросы". Большинство пошло на эту приманку, было на собраніи весьма умѣренно, и большая часть высказалась противъ демонстраціи, когда „столпы общества", въ родѣ предсѣдателей уѣздной и губернской земскихъ управъ, управляющихъ казенной палатой и проч., обѣщали составить петицію объ отмѣнѣ временныхъ правилъ. Однако, не смотря на публичное заявленіе о рѣшеніи послать петицію, „либеральная" интеллигенція такъ и не исполнила его, — чего и должно было ожидать. Петиція гдѣ-то застряла, и врядъ-ли на ней собралось какихънибудь 20 подписей. Молодежь только лишній разъ убѣдилась, что невозможно ждать чего-нибудь путнаго въ смыслѣ активнаго проявленія своего сочувствія отъ нашихъ либеральныхъ болтуновъ, любящихъ отдѣлываться только словами и платоническимъ сочувствіемъ. Съ какимъ жаромъ говорили они противъ демонстраціи 8-го апрѣля и съ какой великолѣпной осторожностью критиковали каждое слово составляемой петиціи, „чтобы излишней рѣзкостью не повредить дѣлу". Мы знаемъ, откуда исходитъ боязнь этой излишней рѣзкости.

До ноября нашъ городъ, видимо, отдыхалъ отъ своей весенней „дѣятельности" и не проявлялъ особыхъ признаковъ жизни. 7-го ноября изъ Нижняго уѣзжалъ въ Крымъ М. Горькій, и его отъѣздъ взбаламутилъ наше мирное болотище, и, видимо уже на долго. Мѣстная либеральная интеллигенція, присяжные повѣренные, доктора и проч., рѣшили устроить Горькому прощальный обѣдъ и поднести ему адресъ. Молодежь, съ своей стороны, тоже рѣшила участвовать въ этомъ „банкетѣ“ и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда указать этой буржуазной интеллигенціи, что между ней (буржуазной интеллигенціей) и людьми, хоть сколько нибудь желающими активно проявить свой протестъ противъ существующаго строя — нѣтъ ничего общаго. На „банкетѣ“ присутствовало человѣкъ 150. Адресъ интеллигенціи, написанный на изящномъ свиткѣ, въ пышныхъ и туманныхъ фразахъ восхвалялъ Горькаго, воспѣвшаго „безумство храбрыхъ.“ Отъ молодежи былъ прочитанъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Алексѣй Максимовичъ! Я буду говорить отъ лица моихъ товарищей, — высланныхъ студентовъ и курсистокъ и нѣкоторой части мѣстной интеллигенціи. Не имѣя времени, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вылить свои чувства въ красиво отдѣланную форму, мы выскажемся, можетъ быть, не особенно краснорѣчиво, но за то не скрывая своихъ мыслей, которыя, мы привыкли соединять съ Вашей личностью и настроеніемъ, проникающимъ всѣ Ваши произведенія.

„Вынужденное разставаніе съ Вами побуждаетъ насъ начать выраженіе своего сочувствія къ Вамъ — идейному борцу за свободу личности — съ выраженія своего крайняго негодованія. Мы возмущены совершеннымъ и совершаемымъ надъ Вами насиліемъ и считаемъ его проявленіемъ тѣхъ безобразныхъ условій русской жизни, которыя давятъ всякаго честно мыслящаго и чувствующаго человѣка, и такъ нуждаются въ освѣжающей бурѣ.

„Историческія условія и недавніе свѣжіе факты рѣзко и опредѣленно выставили задачей нашего времени: — борьбу за свободу; и мы, высоко ставя Вашъ огромный художественный талантъ, больше всего цѣнимъ Васъ за идеи, красной нитью проходящія черезъ всѣ Ваши произведенія: мощное прославленіе свободной, смѣлой личности, отрицающей всѣ условности, стѣсняющія ея развитіе, могучій призывъ къ открытой и смѣлой борьбѣ за свободу. Но и это прославленіе и этотъ призывъ привлекаютъ насъ не столько красотой формы, сколько ясностью и опредѣленностью, которыя не допускаютъ никакихъ колебаній и которыя кажутся намъ такъ необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человѣческая личность все болѣе и болѣе подавляется растущей наглостью темныхъ силъ, когда реакція все усиливается, когда открытая борьба и смѣлость становятся необходимыми. Да! въ наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповѣдывать „благоразуміе и постепенность“, непослѣдовательно отзываться на Вашъ призывъ „къ свободѣ и къ свѣту“ и оставаться въ бездѣйствіи тогда, когда сажаютъ по тюрьмамъ всѣхъ, кто не мирится съ гнетомъ и протестуетъ противъ тьмы. Мы благодарны Вамъ за Вашу пѣснь „безумству храбрыхъ“, такъ какъ въ ней мы черпаемъ силы, въ ней мы видимъ оружіе противъ тѣхъ, кто называетъ смѣлость безумной.

„Дорогой Ал. Макс.! Наступаетъ новая эпоха въ русской жизни: — смѣлость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаемъ Васъ самымъ яркимъ ея представителемъ, самымъ талантливымъ ея провозвѣстникомъ. Мы не забудемъ, что Вы дали лозунгъ, который помогъ и поможетъ намъ бороться съ нашими врагами и разобраться въ нашихъ друзьяхъ“.

Предполагалось, что послѣ прочтенія возникнутъ споры, что либералы не согласятся съ адресомъ, но, — къ величайшему удивленію, — они были „со всѣмъ согласны“. Горькій, съ своей стороны, высказалъ свое отношеніе къ либеральной интеллигенціи, а отчасти и къ радикальной молодежи, прочтя свое произведеніе: „О писателѣ, который зазнался“, гдѣ клеймилъ холопство, трусость, полнѣйшее отсутствіе активности, господствующее въ современномъ обществѣ.

На этомъ же „банкетѣ“ молодежью было рѣшено устроить по поводу отъѣзда Горькаго демонстрацію (о ней см. корресп. въ № 13 „Искры“). Демонстрація произвела довольно сильное впечатлѣніе. О ней долго говорили въ разныхъ слояхъ общества, и сказанная однимъ изъ участниковъ рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на толпу слушателей, состоявшую изъ извощиковъ приказчиковъ, мастеровыхъ.

Беспорядки въ среднетехническомъ училищѣ изъ-за введенія новыхъ правилъ окончились исключеніемъ трехъ человѣкъ безъ права поступленія. По поводу исторіи въ техническомъ училищѣ было выпущено „Открытое письмо къ обществу“, приглашавшее общество отозваться на событія.

Дворянство въ роли шпіона. Г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа въ своихъ „Циркулярахъ“ (№ 7 за 1901 г.) любезно опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе любопытный документъ, недурно характеризующій отношеніе самодержавнаго чиновничества къ „первенствующему сословію“ страны — благородному россійскому дворянству. Документъ этотъ — циркуляръ Министра Вн. Д. г. Сипягина отъ 30 апр. 1901 г. за № 5, конфиденціально разосланный всѣмъ губернаторамъ. Циркуляръ касается недавно вышедшихъ новыхъ правилъ о чтеніяхъ для народа. Какъ извѣстно, царское правительство, заботливо оберегая всѣхъ вообще вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода „вредныхъ ученій“ и „самопроизвольныхъ толкованій“, особливо блюдетъ чистоту помысловъ такъ называемаго „простонародья“, всячески изощряясь сохранить въ „простолюдинахъ“ холопскую преданность Царю и слѣпую покорность вьючнаго животнаго тяжелой, безпросвѣтной трудовой долѣ. Народныя чтенія, обставленныя массою формальностей и тройной цензурой, мало имѣютъ значенія для полуграмотныхъ и даже для безграмотныхъ слоевъ рабочаго класса и крестьянства и зачастую не удовлетворяютъ стремленіямъ внести знаніе и свѣтъ въ народную среду со стороны лучшихъ представителей буржуазнаго общества. Считаясь съ недовольствомъ послѣднихъ и правильно разсчитавъ, что излишнія препоны могутъ оттолкнуть либераловъ отъ невинныхъ просвѣтительныхъ упражненій и, чего добраго, часть силъ и средствъ отвлечь къ просвѣтительному движенію, несчитающемуся съ правительственною указкой, т. е. къ революціонному движенію, — Комитетъ министровъ выработалъ новыя правила, которыя нѣсколько облегчаютъ какъ открытіе, такъ и самое веденіе народныхъ чтеній.

Бросивъ подачку мирнымъ культуртрегерамъ, гг. министры однако спохватились, какъ бы чего не вышло. И вотъ Сипягинъ, надѣвъ привычные доспѣхи умудреннаго житейскимъ опытомъ государственнаго мужа, обращается къ губернаторамъ, какъ къ „главнымъ отвѣтственнымъ блюстителямъ общественнаго порядка и спокойствія въ губерніи“, съ предложеніемъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы къ народнымъ чтеніямъ не были бы допущены „люди неблагомѣренные“, которые могли бы способствовать „обращенію чтеній въ орудіе противоправительственной пропаганды.“ Прежде чѣмъ допустить какое-либо лицо къ участію въ чтеніяхъ, Сипягинъ предлагаетъ губернаторамъ наводить о немъ справки, „независимо данныхъ, имѣющихся у жандармскихъ управленій и у полиціи,“ также и „*отъ предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ въ уѣздахъ землевладѣльцевъ*“. Этого, однако, мало. Мало получить о личности чтеца, о его образѣ мыслей авторитетный отзывъ отъ излюбленныхъ людей благороднаго дворянства. Г. Сипягинъ изобрѣлъ отличный способъ слѣдить и за веденіемъ самыхъ чтеній. Способъ этотъ по своей дешевизнѣ и практичности, по глубокому знакомству съ бытовыми условіями провинціи изобличаетъ въ г. Сипягинѣ недюжинный умъ и заслуживаетъ поощренія покрайней мѣрѣ въ формѣ высочайшаго рескрипта. Плохо надѣясь на способности становыхъ приставовъ, жандармовъ, урядниковъ и шпіоновъ, умственное убожество которыхъ можетъ сравниться только съ низостью ихъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, г. Сипягинъ придумалъ образовать нѣчто въ родѣ добровольныхъ шпіонскихъ кадровъ изъ представителей россійскаго дворянства — *дворянско-шпіонское ополченіе.*

Губернаторамъ предлагается приглашать все тѣхъ же „предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ“ „*присутствовать на чтеніяхъ и доводить до свѣдѣнія губернаторовъ о необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ для обезпеченія*“... государственнаго спокойствія. Знаемъ мы это „принятіе мѣръ“!

Но понимаетъ ли это благородное дворянство? Понимаетъ ли оно, „служилое сословіе“, на какой подвигъ призываетъ его „исполнитель высочайшей воли“ Николая II-го?

О земскихъ начальникахънечего говорить. Промотавшіеся офицеры и дворянскіе недоросли сдѣлаютъ все, что прикажетъ начальство, и съ такимъ же легкимъ сердцемъ станутъ „принимать мѣры“ „нравственнаго оздоровленія“ мужиковъ путемъ выслѣживанія „злонамѣренныхъ“ лицъ изъ среды народныхъ учителей и прочей сельской интеллигенціи, съ какимъ въ настоящее время примѣняютъ на тѣлѣ того же мужика позорящее, но не вызывающее краски стыда на лицахъ ихъ, гнусное наказаніе. О! Они будутъ „принимать мѣры“, лишь бы платили имъ жалованье!

Но что сказать о „предводителяхъ дворянства и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцахъ?“ На сколько совмѣстима съ ихъ пресловутою дворянскою честью „служба“ въ рядахъ шпіоновъ?

Или отдавъ дворянамъ Сибирь, г. Сипягинъ окончательно полонилъ сердца признательнаго первенствующаго сословія и нѣтъ такой „службы“, нѣтъ такой гадости, на которую отнынѣ съ готовностью не пойдетъ „не щадя живота“ вѣрное россійское дворянство?

Будемъ ждать, какой отвѣтъ на эти вопросы дадутъ предстоящія въ январѣ 1902 г. очередныя дворянскія собранія: учредятъ ли они „въ память оказательства новаго довѣрія возлюбленнаго монарха“ дворянскіе пансіоны для специальнаго подготовленія своихъ сыновей къ отвѣтственной „службѣ“ въ шпіонахъ (по типу курсовъ для городовыхъ генерала Клейгельса), или, вспомнивъ не о дворянской, а объ гражданской чести, вспомнивъ свѣтлые образы дворянъ-декабристовъ, Волконскихъ и Трубецкихъ, дадутъ достойный отпоръ зазнавшемуся холопу царственнаго недоумка!

Замятое дѣло о шайкѣ воровъ, состоявшей изъ поповъ и полиціи.

Проѣздомъ черезъ Орелъ я слышалъ отъ людей глубоко религіозныхъ и узко-консервативныхъ, что въ этомъ городѣ въ началѣ 1901 года обнаружена шайка воровъ и разбойниковъ, въ которой участвовали представители духовенства и полиціи. Первымъ дѣломъ ея было убійство богатой ростовщицы въ Орлѣ и разграбленіе ея денегъ и имущества. Самые „тщательные“ розыски виновныхъ ничего не обнаружили, кромѣ клока бороды въ рукахъ убитой. Далѣе послѣдовалъ рядъ дерзкихъ кражъ въ магазинахъ преимущественно мануфактурныхъ. Не смотря на дерзость этихъ кражъ, полиція ничего „не могла“ обнаружить. Наконецъ шайка перенесла свою дѣятельность и за границы городаОрла, предпринявъ убійство недалеко отъ села Малоархангельска богатыхъ владѣльцевъ хутора, — мужа и жены. Шайка не была бы обнаружена, еслибы члены ея не обдѣлили въ дѣлежѣ добычи возлюбленную одного изъ участниковъ ея. Обиженная дама, пылая жаждой мести, отправилась къ прокурору, минуя полицію, и разсказала ему все, что знала. Прокуроръ пришелъ въ ужасъ, когда женщина стала называть самыхъ видныхъ представителей духовенства и полиціи вплоть до полиціймейстера включительно, заметавшаго слѣды. Ближе всѣхъ къ дѣлу стояли: священникъ о. Мих. Козьмодемьянскій, занимавшій мѣсто губернскаго наблюдателя за церковноприходскими школами Орловской губерніи съ окладомъ жалованья въ 3000 р. въ годъ, и приставъ первой части гор. Орла Филиппъ Цвѣтаевъ. При обыскѣ у о. Козмодемьянскаго нашли массу краденныхъ вещей. Слѣдствіе выяснило, что его жена, вскорѣ послѣ убійства ростовщицы, ѣздила въ г. Харьковъ мѣнять банковскіе билеты, одинъ изъ которыхъ былъ окровавленъ. Далѣе шустрая матушка ходила къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ (жена ректора дух. семинаріи, матушка казначея женскаго монастыря и мн. друг.) и неоднократно предлагала имъ купить принесенную ею матерію, говоря, что ей съ одной изъ Московскихъ фабрикъ прислали бракъ, который очень дешево продается. Незадолго до обыска о. Козьмодемьянскій купилъ себѣ домъ за 60 тыс. руб., хотя все время жилъ на широкую ногу. Шайка имѣла связи съ московскими ворами, черезъ которыхъ сбывала краденое.

Мѣстная газета „Орловскій Вѣстникъ“ пыталась было огласить фактъ, но ей это было запрещено.

Въ самый разгаръ слѣдствія къ прокурору пріѣхалъ мѣстный архіерей и просилъ замять дѣло, но получилъ отказъ. Говорятъ, что о. Козмодемьянскій выдалъ вексель на имя сына архіерея на 25 тыс. руб. Дѣло все-таки было замято по приказанію свыше, такъ какъ уже очень оно было скандально и марало ужъ очень многихъ видныхъ представителей администраціи и духовенства. Чтобы успокоить взволнованное скандаломъ общество, жену Козьмодемьянскаго судили за „покупку“ краденаго и присудили къ штрафу, да Козьмодемьянскаго перевели въ Ставрополь.

Къ вопросу о легальныхъ обществахъ. Намъ доставлено слѣдующее письмо въ редакцію:

„М. Г. Г-нъ редакторъ! Позвольте на столбцахъ Вашей уважаемой газеты высказать нѣсколько мыслей по поводу помѣщенной въ № 10 статьи: „Еще о политическомъ развратѣ нашихъ дней“.

„Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вспомогательныя кассы и потребилки находятъ поддержку въ г. Зубатовѣ только потому, что онъ видитъ въ нихъ прекрасное средство, борьбы съ наростающимъ революціоннымъ настроеніемъ

БОРЬБА СЪ КРАМОЛОЙ И „СЕРДЕЧНОЕ ПОПЕЧЕНІЕ“ О РАБОЧИХЪ.*)

Надо отдать честь нашему правительству — оно напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать росту революціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ. Бьетъ оно съ двухъ концовъ; съ одного оно, по возможности, затыкаетъ всѣ щели, черезъ которыя могутъ проникать въ болѣе или менѣе широкіе общественные слои оппозиціонныя идеи или возбуждающіе смуту факты, съ другой, ведетъ нужную ему пропаганду и словомъ и дѣйствіемъ.

Цензурныя стѣсненія то и дѣло сыплятся на нашу печать; особымъ цензурнымъ вѣдомствомъ становится даже Деп. полиціи, а цензурныхъ каръ не избѣгаютъ даже такія бульварныя газеты, какъ „Петерб. листокъ“, такіе продажные органы, какъ „Новое Время“, такія сомнительныя изданія, какъ „Русское Слово“, „Россія“. Культурныя общества прикрываются одно за другимъ. Не такъ давно умерло „Московское общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій“; позже умерло такое же общество въ Ростовѣ-на-Дону; еще раньше погибло общество по доставленію чтенія больнымъ и бѣднымъ въ СПБ. А тѣмъ обществамъ и учрежденіямъ, которыя еще влачатъ свое жалкое существованіе, строго запрещается излишнее усердіе въ культурной работѣ. Попробовало, напр., Иваново-Вознесенское общество трезвости „ходатайствовать“ о разрѣшеніи ему торговли всѣми книгами, разрѣшенными цензурой, и „удовлетворенія не получило“. Попробовало Московское педагогическое общество просить о разрѣшеніи устроить съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ память Ушинскаго, и тоже „осталось безъ удовлетворенія“. Попробовало Новгородское земство просить о внесеніи въ число книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ читаленъ. нѣсколькихъ книжекъ, и изъ его списка, въ которомъ числились. Мельшинъ, Некрасовъ и кое-что изъ Глѣба Успенскаго, ему милостиво разрѣшили всего лишь двѣ книжицы. Запѣло наше правительство о реформѣ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, сдѣлало видъ, что оно „готово принять къ свѣдѣнію“ голосъ общества по этой части, и въ лицѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ особымъ циркуляромъ по адресу губернаторовъ. . запретило допускать въ городскихъ думахъ разговоры о реформѣ средней школы.

Искореняя „вредныя идеи“, правительство ищетъ и видитъ ихъ повсюду; поэтому, ничуть не удивительно, если оно увидѣло возможность распространенія этихъ идей даже въ подобныхъ думскихъ разговорахъ. Наше чахлое самоуправленіе — вообще для правительства бѣльмо на глазу. Въ немъ чудится гг. министрамъ вѣчный источникъ крамолы, и вотъ они неустанно обрѣзываютъ и безъ того короткія крылья нашему земству, нашимъ городскимъ думамъ и управамъ. Въ каждые земскіе выборы правительство цѣлыми десятками не утверждаетъ избранныхъ предсѣдателей земскихъ управъ и ставитъ своихъ казенныхъ, въ родѣ гг. Родзянко, которые успѣшно проводятъ въ безгласныхъ земствахъ правительственные интересы. Все самоуправленіе — и земское и городское — рѣшительно хотятъ превратить въ простой придатокъ къ Мин. Внут. Дѣлъ, въ чиновничье учрежденіе. Земство стоитъ на полдорогѣ къ этому идеалу, а по отношенію къ городу уже практикуется первый рѣшительный шагъ: недавніе номера газетъ принесли намъ извѣстіе, что петербургскую городскую управу хотятъ обратить въ „особое по городскимъ дѣламъ присутствіе“ съ „казеннымъ“ городскимъ головой и тремя „гласными“ по назначенію отъ правительства, и отдать это столичное „самоуправленіе“ подъ непосредственное вѣдѣніе Мин. Вн. Дѣлъ. За столицей той же судьбѣ подвергнутся, конечно, и прочіе россійскіе города. Хвала и честь усердію правительства! Наше городское самоуправленіе слишкомъ мало или даже ничего не даетъ ни неимущимъ вообще, ни рабочимъ въ частности: оно служило и служитъ буржуазіи по преимуществу, и не намъ, конечно, особенно печаловаться по поводу урѣзыванія его правъ. Нѣтъ, мы даже рады этому! Быть можетъ, хоть послѣ этой пощечины толстокожая русская буржуазія почувствуетъ тиски самодержавія!

Боясь смуты и отъ газетъ и отъ культурныхъ обществъ, и отъ земствъ и отъ городскихъ думъ, правительство вездѣ усматриваетъ эту смуту прежде всего въ головахъ интеллигенціи, и больше всего интеллигенціи разночинской, не титулованной, не патентованной учеными патентами; вотъ почему въ сферѣ легальной жизни нашего общества — правительство такъ усердно слѣдитъ прежде всего за печатью, дѣятелемъ которой является разночинецъ, и за работой всякаго рода частныхъ, не оффиціальныхъ культурныхъ учрежденій. Вотъ почему также оно ставитъ всевозможныя препятствія разночинской интеллигенціи въ ея общеніи съ народными массами. Извѣстный циркуляръ Мин. Внут. Дѣлъ по продовольственной кампаніи нынѣшняго года какъ нельзя болѣе проявляетъ боязнь нашего правительства передъ „смутой“, которую способна внести въ народныя массы эта интеллигенція „Къ сожалѣнію — жалуется г министръ — ...начиная съ недорода(!!!) 1891-1892 гг. . иные благотворители, на ряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей, стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ... При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда... болѣзни и разстройство хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные въ политическомъ отношеніи лица для преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему“ На этомъ основаніи г. министръ предписывалъ слѣдить за частной, не правительственной помощью, а дѣло продовольствія отдаетъ въ руки истинныхъ отцовъ и благодѣтелей крестьянъ — земскихъ начальниковъ.

Такъ правительство затыкаетъ щели, сквозь которыя могутъ проникнуть въ общество оппозиціонныя идеи. Оно дѣлаетъ это властно, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своихъ аппетитовъ. А почему? Потому что оно не надѣется встрѣтить сопротивленія. Что такое для него русскій интеллигентъ-разночинецъ, что такое русскій земецъ, русскій городской „общественный дѣятель“? Для него это существа, неспособныя противостоять насилію, а надъ такими существами оно можетъ свободно производить свои операціи. Не такъ ведетъ себя правительство съ тѣми общественными элементами, которые способны къ активному сопротивленію, къ активному созданію — выражаемся словами г. Мин. Вн. Дѣлъ „немаловажныхъ затрудненій интересамъ порядка и управленія“. И ихъ оно бьетъ, и ихъ оно давитъ, но оно не можетъ задавить, забить ихъ и принуждено поэтому успокаивать ихъ, заигрывать съ ними, бросать имъ подачки и даже обращаться къ нимъ съ правительственной пропагандой. На что небольшая сила наше радикальное студенчество, но оно успѣло-таки за послѣдніе годы доставить правительству не мало непріятностей, и вотъ правительство очень озабочено умиротвореніемъ умовъ въ средѣ этого непокорнаго общественнаго элемента; оно рекомендуетъ „сердечное попеченіе“ объ учащейся молодежи, оно великодушно обѣщаетъ реформу университетскаго строя, оно разрѣшаетъ устройство „самообразовательныхъ кружковъ“; оно заботится даже о жилищахъ студентовъ, открывая общежитія, даже о питаніи ихъ, отпуская деньги на студенческія столовыя (въ Кіевѣ 20 тысячъ). На почвѣ этихъ подачекъ и обѣщаній оно надѣется посѣять расколъ въ рядахъ студенчества: оно знаетъ, что наиболѣе робкая и наименѣе требовательная часть учащейся молодежи будетъ способна помириться на маломъ и составить оплотъ противъ смуты.

Еще больше и еще болѣе серьезныхъ опасеній внушаетъ правительству рабочій классъ. Проявившееся въ немъ революціонное настроеніе заставляетъ правительство и здѣсь выступать съ политикой „сердечнаго попеченія“. Бросая рабочимъ различныя мелкія подачки въ родѣ заботъ г. Витте о здоровьи желѣзнорожныхъ чернорабочихъ, эксплуатируемыхъ будто бы только подрядчиками, и желѣзнодорожныхъ „служащихъ“, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, оно рядомъ съ этимъ систематически „сердечно печется“ о разумномъ проведеніи русскимъ рабочимъ часовъ досуга, о поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня рабочихъ при помощи кассъ взаимопомощи, потребилокъ, артелей, „рабочихъ клубовъ“ и... попечительствъ о народной трезвости.

Среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальныхъ „клубовъ“ пользуется, повидимому, нѣкоторымъ престижемъ. Если порыться въ газетахъ за послѣдніе мѣсяцы, то можно наткнуться на цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ фактовъ. *Въ Перми* организуется совѣщаніе служащихъ п. ж. д. по устройству семейныхъ вечеровъ для служащихъ и рабочихъ этой дороги, а потомъ устраиваются и самые „семейные вечера“. Въ той же Перми проектируется общество взаимопомощи рабочихъ механическаго производства и уже выработанъ и опубликованъ проектъ его устава. *Въ Петербургѣ* „среди подмастерьевъ трубочистнаго цеха“ возникла мысль учредить “общество взаимнаго вспоможенія на случай неспособности къ труду и инвалидности“. *Въ Николаевѣ* возникаетъ „единственный на югѣ Россіи“ „рабочій клубъ“. *Въ Минскѣ* происходятъ собранія еврейскихъ рабочихъ-столяровъ, на которыхъ дебатируются вопросы ихъ экономическаго быта; было уже 5 собраній, и на первомъ изъ нихъ избрана коммиссія для составленія устава „клуба“. Въ томъ же Минскѣ образовалась кооперативная артель подмастерьевъ портняжнаго цеха; тамъ же существуетъ артель и касса взаимопомощи подмастерьевъ-щетинниковъ. *Въ Одессѣ* возникаетъ артель среди рабочихъ каменноломенъ, причемъ проектируется пріобрѣтеніе собственной каменоломни. *Въ Москвѣ* среди членовъ кассы типографщиковъ „возникла мысль устроить кружокъ или клубъ съ кабинетомъ для чтенія“. Въ Москвѣ же получилъ утвержденіе уставъ потребительнаго общ. механическаго произмассъ. Если бы Зубатовъ думалъ иначе, то, конечно, онъ имъ бы не покровительствовалъ или не б. бы тѣмъ „умнымъ“ Зубатовымъ, о высокихъ спеціальныхъ дарованіяхъ котораго мы такъ часто слышимъ. Понятно также и то, что „мирные штопатели дырявыхъ штановъ“ мало пригодны для революціоннаго политическаго движенія. Намокшія, прѣлыя и гнилыя дрова для костра не годятся. Это ясно.

---

*) Запоздало по недостатку мѣста. Ред.

„Но слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что революціонная партія (въ лицѣ своихъ членовъ) должна была бы относиться рѣзко отрицательно къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ? Намъ этого не кажется.

„Идти рука объ руку съ Охраннымъ отдѣленіемъ революціонеры не могутъ, но надо подумать и рѣшить вопросъ о томъ, не будетъ-ли такое рѣзко отрицательное отношеніе къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ, — именно то отношеніе, которое для Зубатова самое пріятное и выгодное? Не даетъ-ли такое отношеніе г. Зубатову возможность увѣрять темную массу рабочихъ въ томъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго расширенія правъ рабочихъ, противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія! И темная масса рабочихъ можетъ ему повѣрить по той простой причинѣ, что она темна. Выгодно-ли для революціонной партіи давать г. Зубатову возможность лишній разъ проявить свои спеціальныя дарованія?

„Политика г. Зубатова тонка, не споримъ, но часто бываетъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Кромѣ того, всѣ его измышленія, хотя и остроумны, но, къ счастью, обоюдоостры, — надо лишь сумѣть найти и воспользоваться этой обратной стороной.

„Въ данномъ случаѣ намъ кажется, что разумная политика обязываетъ революціонеровъ не только не отрекаться передъ „мирными штопателями дырявыхъ штановъ“ отъ вспомогательныхъ кассъ и потребилокъ, а напротивъ того, — обязываетъ ихъ объяснить этимъ легальнымъ труженникамъ, что получили они эти пріюты любезной имъ работы лишь вслѣдствіе революціонной агитаціи революціонеровъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ: зная, что никакая „самодѣятельность“ при нынѣшнемъ политическомъ строѣ, на практикѣ невозможна, мы убѣждены въ томъ, что дѣло съ „вспомогательными кассами и потребилками“ можетъ идти гладко лишь до тѣхъ поръ, пока обо всемъ этомъ только разговоры разговариваютъ. Съ того же момента, когда „самодѣятельность“ начнетъ проявляться не на однихъ словахъ, а захочетъ проявиться и въ дѣлахъ, то силой обстоятельствъ должны появиться такіе вопросы и такія положенія, при которыхъ станетъ яснымъ даже и для „мирныхъ штопателей дырявыхъ штановъ“, что дѣлать имъ, подъ правительственной опекой, — нечего. Да и въ самомъ дѣлѣ: не вѣчно же они будутъ свои дырявые штаны только штопать! Настанетъ время, когда штаны эти будутъ заштопаны, и „мирные труженники“ захотятъ ихъ надѣть. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что такое превращеніе „мальчика безъ штановъ“ въ „мальчика въ штанахъ“ никакого сочувствія въ г. Зубатовѣ не встрѣтитъ и произведетъ разрывъ между друзьями.

„Безусловное отрицаніе кассъ и потребилокъ выгодно для Зубатова, а потому дѣлать этого не слѣдуетъ. Разумная, боевая тактика требуетъ сбереженія силъ, а потому она велитъ пользоваться всякимъ учрежденіемъ противника, какъ будто сами революціонеры вызвали его къ бытію, и направить это новое орудіе врага противъ него-же.

„Г. Зубатову хочется изъ кассъ и потребилокъ сдѣлать „усыпальницы“, куда онъ предполагаетъ загнать и окончательно усыпить въ нихъ тѣхъ рабочихъ, которые выказываютъ поползновеніе проснуться.

„Г. Зубатовъ изъ кассъ и потребилокъ предполагаетъ сдѣлать „гробы“, въ которыхъ думаетъ похоронить то революціонное броженіе, которое существуетъ среди рабочихъ.

„Надо внести въ эти „гробы“ жизнь. Надо заставить ихъ, подъ напоромъ жизненныхъ, практическихъ вопросовъ и дѣлъ, разлетѣться въ пухъ и прахъ, и если бы это удалось сдѣлать, то несомнѣнно, что „умный“ г. Зубатовъ остался бы въ дуракахъ.

Доброжелатель“.

Авторъ письма ошибается, думая, что мы относимся съ „безусловнымъ отрицаніемъ“ къ кассамъ и потребилкамъ вообще. Это не такъ. Во всѣхъ нашихъ статьяхъ по данному вопросу рѣзкость отрицанія была обусловлена именно тѣмъ, что Зубатовъ уже внесъ ядъ политическаго разврата въ опредѣленныя легальныя общества въ Москвѣ. Это съ одной стороны. А съ другой стороны, и „буржуазная наука“ уже внесла ядъ своихъ примирительныхъ, „гармоническихъ“ ученій въ легальныя лекціи. „Безусловность“ нашего отрицанія относилась къ этому двоякому яду и только къ нему (въ томъ числѣ, разумѣется, и къ ошибкамъ тѣхъ „новѣйшихъ соціалистовъ“, которые активно проповѣдуютъ свое: „вѣрую въ мощь вспомогательныхъ кассъ“). Зубатовскія общества не только гробы для будущихъ мертвецовъ, а также и ловушки для живыхъ людей. И мы обязаны предостерегать рабочихъ, чтобы они не попадали въ ловушки.

Если Зубатовъ скажетъ рабочимъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ быта, — то мы будемъ опровергать Зубатова. Мы скажемъ (и говоримъ уже) рабочимъ, что мы вовсе не противъ кассъ и потребилокъ вообще (см. брошюру о потребительныхъ обществахъ, изданную въ Женевѣ), а только противъ всякаго полицейскаго вліянія на кассы или посредствомъ кассъ, противъ всякаго развращенія рабочихъ.

„Надо внести въ гробы жизнь“ — пишетъ авторъ. Нѣтъ, это не наше дѣло, не дѣло революціонеровъ. Наше дѣло — укладывать въ гробы враговъ пролетаріата, проповѣдывать и приготовлять такую „укладку“. А оживленіемъ гробовъ пусть занимаются легальные дѣятели, мирные штопатели штановъ. И мы вовсе не отрицали безусловно пользы отъ ихъ работы. Ничуть не бывало. Мы знаемъ, что въ Россіи имѣются полезныя и честныя легальныя общества. Мы не сомнѣваемся нисколько, что если правительство дѣйствительно предоставитъ рабочимъ хоть крошечку самодѣятельности, т. е. возможности дѣйствовать самимъ, а не по указкѣ Зубатовыхъ, — то это неминуемо поведетъ къ новому столкновенію еще болѣе широкихъ рабочихъ массъ съ правительствомъ, къ „разрыву между друзьями“. Умный Зубатовъ несомнѣнно въ концѣ концовъ останется въ дуракахъ. Но именно для того, чтобы приблизить этотъ „конецъ концовъ“, мы и должны разоблачать Зубатова, подталкивая его тѣмъ самымъ на предоставленіе рабочимъ хоть маленькой, но настоящей самодѣятельности. Своей непримиримой борьбой съ ядовитыми ростками Зубатовской проповѣди, буржуазной науки и „экономической“ близорукости мы какъ разъ и очищаемъ почву для проростанія тѣхъ полезныхъ сѣмянъ, которыя удается изрѣдка бросить и въ русскую землю честнымъ „мирнымъ труженикамъ“.

Съ Урала. 10 ноября 1901 г. въ Горнозаводскомъ Отдѣленіи Красноуфимскаго Промышленнаго училища при Пермскомъ реальномъ училищѣ было вывѣшено „Извлеченіе изъ новыхъ правилъ для среднихъ техническихъ училищъ“.

Правила эти совершенно стѣсняли свободу горняковъ, приравнивая ихъ къ малолѣтнимъ школьникамъ.

10-го же числа вечеромъ у горняковъ состоялась сходка, на которой первымъ вопросомъ былъ: „Всѣ ли присутствующіе возмущены узостью тѣхъ рамокъ, въ которыя эти правила ставятъ всю нашу жизнь, весь нашъ общественный строй, всѣ наши благія молодыя начинанія?“ Отвѣтъ, конечно, получился утвердительный, и всѣ единодушно рѣшили заявить свой протестъ противъ этихъ правилъ, какъ противъ гнуснаго насилія надъ свободой личности и поруганія человѣческаго достоинства.

Въ понедѣльникъ 12-го ноября, въ 9 час. утра, горники потребовали къ себѣ директора и заявили, что подчиняться имъ новымъ правиламъ не будутъ, а потому требуютъ ихъ отмѣны.

Какъ и слѣдовало ожидать, со стороны директора были возраженія, и изъ нихъ выяснилось, что эти правила утверждены для 8-миклассныхъ (новаго типа) техническихъ училищъ, значитъ, горняки вправѣ требовать ихъ отмѣны. Конечнымъ отвѣтомъ г. директора былъ тотъ, что онъ донесетъ объ этомъ требованіи и вообще о данномъ событіи въ округъ. Послѣ этого объясненія горняки порѣшили не посѣщать занятій впредь до благопріятнаго исхода, т. е. до оставленія стараго порядка академической жизни.

Попытка начальства оказать давленіе на родителей угрозой увольненія не имѣла успѣха. 24 ноября пріѣхалъ окружной инспекторъ, получилъ отъ учащихся протестъ за подписью всѣхъ ихъ и имѣлъ съ ними личное объясненіе.

Дружной борьбой и стойкостью горняки добились того, что вывѣшенныя правила были убраны и примѣняться къ нимъ не будутъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ окончательное рѣшеніе этого вопроса изъ высшихъ сферъ, передъ которыми взялъ на себя ходатайствовать окружной инспекторъ.

На сколько учащіеся были солидарны между собою, видно еще и изъ того, что дали другъ другу письменное обѣщаніе, скрѣпленное ихъ подписями, что если получится въ будущемъ неблагопріятный отвѣтъ, то также дружно они будутъ продолжать забастовку и добиваться окончательной отмѣны этихъ наглыхъ правилъ.

Кишиневъ. Въ началѣ декабря у насъ забастовало училище винодѣлія. Ученики этого училища направили свой протестъ, главнымъ образомъ, противъ учителя исторіи. Наше время вообще очень богато „теченіями“ различнаго качества. Въ педагогической сферѣ, напр., замѣтно, такъ сказать, полицейское теченіе. Преподаватель исторіи у винодѣловъ, очевидно, одинъ изъ поборниковъ этого теченія. Учитель завелъ шпіоновъ среди учениковъ. Вотъ это-то и особенно возмущало послѣднихъ. Протестъ рѣшено было выразить въ видѣ отказа отвѣчать этому благородному наставнику. Свое рѣшеніе ученики привели въ исполненіе; за симъ, само собою разумѣется, послѣдовали „мѣры пресѣченія“. Явился директоръ, ученики уволены и высланы (за исключеніемъ небольшого количества своекоштныхъ, которымъ разрѣшено остаться на жительство въ окраинахъ города).

Крамола въ Череповцѣ (Новгородской г.). На имя семинаристовъ 3-го класса было послано (пока неизвѣстно, кѣмъ) письмо (содержаніе его тоже неизвѣстно). Письмо, какъ имѣющее необыкновенный адресъ, было вручено директору семинаріи. Узнавъ отъ почтальона о принятіи директоромъ этого письма, семинаристы 3-го класса выбираютъ изъ своей среды четырехъ депутатовъ, какъ училъ ихъ дѣлать самъ директоръ, когда имъ нужно было съ нимъ говорить, и отправили къ директору просить выдачи адресованнаго на ихъ имя письма. Директоръ категорически отвѣтилъ, что такого письма нѣтъ. На слѣдующій день отправляется новая депутація уже въ сопровожденіи почтальона, приносившаго письмо. Уличенный въ обманѣ, директоръ долженъ былъ сознаться, что письмо у него есть, но все же его не отдалъ. Послѣ того, какъ директоръ уклонился отъ пріема третьей депутаціи, семинаристы 3-го класса 12 сентября утромъ принесли въ классъ книги, а сами ушли съ занятій домой. Перепуганное начальство приглашаетъ ихъ въ семинарію, разсаживаетъ по одиночкѣ и отбираетъ отъ каждаго подписку, требующую безпрекословнаго исполненія всѣхъ требованій начальства. Двое не дали такой подписки, полагая, что и остальные тоже такъ поступили, а двое другихъ подписались съ оговоркой, прочіе же всѣ исполнили требованіе. Первыхъ четырехъ исключили на слѣдующій же день, остальныхъ же лишили стипендіи за настойчивое требованіе у директора письма.

Наканунѣ „безпорядковъ“, т. е. 11 сентября на Верхней ул. произошелъ пожаръ, вызвавшій полицейскій осмотръ трубъ. И вотъ въ трубѣ бани Полозова на Верхней ул. нашли запрятанную туда библіотеку семинаристовъ, въ которой было не мало нелегальныхъ книгъ, въ томъ числѣ экз. гектографированнаго журнала семинаристовъ „Слово“. Эта находка послужила поводомъ для цѣлаго ряда обысковъ. Первымъ обысканъ семинаристъ Ивановъ, обвинявшійся въ завѣдываніи библіотекой. Оправдываясь отъ обвиненій, Ивановъ запуталъ многихъ семинаристовъ и даже учителей. Дальнѣйшіе обыски еще болѣе расширяя „дѣло“, и теперь подъ подозрѣніемъ состоитъ, какъ слышно, 35(!!) учителей. Корреспонденція, адресуемая на имя этихъ учителей, перехватывается. Обысканы учителя Виноградовъ и Капустинъ (у послѣдняго, кажется, что-то нашли). Его обвиняютъ въ изданіи „Слова“, и онъ, хотя и на свободѣ, но, вѣроятно, сильно пострадаетъ. Вотъ все, что извѣстно о нашихъ событіяхъ, но это только начало!

Кострома. *Травля поднадзорныхъ.* Если наша полиція и жандармерія и не отличается умѣніемъ въ искорененіи крамолы, за то энергіи у нея не занимать стать. За послѣднее время то и дѣло судятъ поднадзорныхъ. Рабочаго Бѣлова привлекли „за нарушеніе тишины и порядка“, хотя никакого нарушенія въ его поступкѣ не было (оправданъ). Высланный сюда петербургскій рабочій Кулаковъ былъ привлеченъ жандармами къ суду за богохульство (7 дней ареста). Наконецъ, малолѣтняго сына быв. петербургскаго рабочаго Буянова обвинили въ кражѣ. Мальчика защищалъ отецъ, сказавшій: „Тутъ все дѣло въ политической неблагонадежности; если ты неблагонадеженъ, — то мы твоего сына въ тюрьму упечемъ“. Судъ оправдалъ мальчика. Наконецъ, былъ привлеченъ къ суду бывшій студентъ Лѣсного Института Н. П. Богдановъ за дерзость, сказанную помощнику пристава. Несмотря на все усердіе полиціи и прокурора, удалось присудить Богданова только къ десяти рублямъ штрафа. — Не любятъ господа театральные антрепенеры, когда ихъ въ газетахъ не по шерсти гладятъ, и всякими способами борятся противъ этого: тотъ своимъ судомъ чинитъ кулачную расправу надъ черезчуръ строгимъ рецензентомъ, этотъ во всеуслышаніе заявляетъ, что онъ отказывается печатать объявленія

водства. Все это газетныя сообщенія за послѣдніе мѣсяцы. Факты эти не безъинтересные, и любопытно въ нихъ именно то, что правительство всѣмъ этимъ „начинаніямъ“ не только не препятствуетъ, но — повторяемъ — ихъ, по всѣмъ видимостямъ, поощряетъ. Иначе не было бы понятно, почему оно съ такимъ легкимъ сердцемъ разрѣшаетъ ихъ, почему оно такъ любовно смотритъ хотя бы на московскія рабочія собранія и даже открываетъ для отчета объ нихъ столбцы органа Мин. Финансовъ — „Торгово-Промышленную Газету“, а въ лицѣ г. Зубатова въ Москвѣ и его достойнаго ученика г. Васильева въ Минскѣ усиленно рекомендуетъ „самодѣятельность“. Мы подозрѣваемъ, что имѣется тайный циркулярчикъ, предписывающій чинамъ полиціи, жандармеріи и прочихъ полицейскихъ учрежденій усиленно заботиться о насажденіи клубовъ и всякаго рода ассоціацій. Почему бы иначе, напр., г. одесскому полицмейстеру рекомендовать одесскимъ извощикамъ-хозяевамъ устройство своего промысла на кооперативныхъ началахъ? Правда, г. полицмейстеръ не попалъ въ цѣль, но вѣдь всякое бываетъ усердіе у чиновъ полиціи. Какъ бы то ни было, но нельзя уже сомнѣваться, что къ развитію мирной самодѣятельности въ рабочей средѣ правительство относится теперь болѣе, чѣмъ благосклонно. Урѣзывая печать, препятствуя всевозможнымъ просвѣтительнымъ предпріятіямъ разночинской интеллигенціи, всяческими средствами ограждая своихъ подданныхъ отъ революціонной пропаганды, оно не можетъ считать эту, такъ сказать, отрицательную, разрушительную программу искорененія смуты — достаточной. Оно дополняетъ ее программой созидательной. Оно стремится сосредоточить неспокойную мысль рабочихъ на мирной взаимопомощи и этимъ отвлечь ихъ отъ борьбы и съ буржуазіей и съ нимъ самимъ; оно хочетъ играть передъ рабочими роль отца родного и этимъ затемнять сознаніе противоположности интересовъ его и интересовъ рабочихъ, такъ какъ оно знаетъ, что сознаніе этой противоположности — первый шагъ къ революціонной борьбѣ; оно, наконецъ, стремится дать какъ консервативной части самой рабочей массы, такъ и всевозможнымъ охранителямъ „интересовъ порядка и управленія“ и кармановъ имущихъ — факты, на которые они могли бы опереться въ своемъ противодѣйствіи боевому настроенію. Симпатія правительства всѣмъ клубнымъ и кооперативнымъ начинаніямъ, поэтому, вполнѣ понятна.

Обѣ эти стороны современной „внутренней политики“ русскаго правительства — и отрицательная и созидательная — какъ нельзя лучше отразились на организаціи „николевскаго собранія техниковъ и мастеровыхъ“, того самаго собранія, которое именуется газетами „рабочимъ клубомъ“. По недавно утвержденному уставу этого новорожденнаго клуба, членами его могутъ быть только „мастеровые и техники“, проживающіе въ г. Николаевѣ; при чемъ подъ „мастеровыми“ разумѣются, очевидно, не только рабочіе, но и фабриканты, ибо, по газетнымъ извѣстіямъ, „почти всѣ мѣстные фабриканты“ записались въ члены; а подъ техниками разумѣются между прочими инженерами и директора заводовъ съ женами, ибо на вечера „клуба“ они вхожи, а по уставу „гостями“ могутъ быть только лица, имѣющіе право быть членами. Интеллигентъ просто, по уставу, не можетъ быть ни членомъ, ни гостемъ клуба по той причинѣ, что интеллигентъ на Руси главный смутьянъ. Текущими дѣлами этого пріятнаго собранія вѣдаетъ „совѣтъ старшинъ“ подъ обязательнымъ предсѣдательствомъ фабричнаго инспектора или его замѣстителя, а для вящшаго единенія клуба съ полиціей всѣ его должностныя лица утверждаются николаевскимъ градоначальникомъ, и затѣмъ списки кандидатовъ въ члены за мѣсяцъ до избранія вывѣшиваются въ особыхъ объявленіяхъ, чтобы шпіоны могли собрать о кандидатахъ надлежащія свѣдѣнія. Что же касается занятій самого „собранія“, то оно можетъ и въ шахматы играть, и водку пить, и „полезныя“ лекціи слушать, и маскарады устраивать, и плясать, и литературные вечера организовывать, при чемъ, конечно, лекціи, спектакли и литературные вечера подчиняются всѣмъ цензурно-полицейскимъ правиламъ, а частныя бесѣды — цензурѣ гг. шпіоновъ. Можетъ собраніе и библіотеку имѣть; она подчиняется правиламъ безплатныхъ народныхъ читаленъ, т. е. будетъ наполнена душеспасительными и дѣтскими книжками. Разрѣшается собранію выписка журналовъ и газетъ, а руководство г. фабричнаго инспектора обезпечиваетъ выписку изданій наиболѣе благонамѣренныхъ и патріотическихъ.

Не правда-ли, въ этомъ „собраніи“ дѣйствительно есть все, что нужно правительству и ненужно рабочимъ? Фабриканты и инженеры въ качествѣ членовъ и гостей, а г. фабричный инспекторъ въ качествѣ царька „клуба“ своими заботами о „мастеровыхъ“ должны будутъ внѣдрять въ нихъ сознаніе, что хозяева и правительство истинные радѣтели о рабочемъ благѣ; тотъ же инспекторъ, г. градоначальникъ и шпіоны будутъ оберегать собраніе отъ вторженія смутьяновъ, лекціи, спектакли, журналы, газеты и библіотека будутъ снабжать рабочихъ полезными знаніями, разумными развлеченіями и благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Мы льстимъ себя надеждой, что скоро такими клубами, столь полезными для сплоченія рабочихъ съ ихъ эксплуататорами, покроется вся Россія, а пока съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждемъ появленія устава минскаго „клуба“ еврейскихъ рабочихъ столяровъ, благополучно зрѣющаго подъ покровительствомъ жандармскаго управленія.

Единеніе хозяевъ, мастеровъ и инженеровъ съ рабочими на „клубной“ почвѣ еще не такъ легко можетъ показаться подозрительнымъ. Но единеніе рабочихъ съ ихъ эксплуататорами на почвѣ экономическихъ интересовъ, кажется, окончательно потеряло свой престижъ въ рабочей средѣ. Еще въ 1899 г. среди петербургскихъ рабочихъ пробуждалось недовольство потребилками, состоявшими подъ эгидой фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ недавнее время то же сознаніе несоотвѣтствія интересамъ рабочаго потребилокъ со смѣшаннымъ составомъ членовъ проявилось и на дебатахъ московскаго рабочаго парламента (14 собраніе). При такомъ взглядѣ рабочихъ на потребилки, взглядѣ, который легко можетъ быть перенесенъ и, вѣроятно, переносится ими на кассы взаимопомощи, правительству нѣтъ разсчета, бросая рабочимъ подачку въ видѣ покровительства „самодѣятельности“, поощрять общества со смѣшаннымъ составомъ. Напротивъ, ему выгоднѣй созданіе чисто рабочихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что русскій шпіонъ вездѣсущъ, а такой либерализмъ со стороны правительства внушитъ къ нему признательность рабочихъ*). А такъ какъ путь „мирнаго развитія“, на который вступаютъ рабочіе съ разрѣшенія и поощренія правительства ему очень нравится, то „самодѣятельность“ рабочихъ достойна въ его глазахъ даже широкой пропаганды. И по истинѣ слѣдуетъ предавать широкой гласности московскія пренія! На нихъ выливается столько восторговъ передъ потребилками, клубами, кассами взаимопомощи! На нихъ благодарятъ даже г. Витте!

Особенно торжественно было 21-е собраніе московскихъ рабочихъ. Происходило оно послѣ утвержденія властями предержащими устава московскаго потребительнаго общества рабочихъ механическаго производства, и было посвящено пріятнымъ мечтаніямъ о будущемъ этого общества. Послѣ хвалебной пѣсни новому предпріятію, пропѣтой руководителемъ собранія, г. Афанасьевымъ, „одинъ изъ рабочихъ произноситъ глубоко прочувствованную и безукоризненную со стороны изложенія рѣчь, посвященную руководителямъ бесѣдъ и совѣтникамъ рабочихъ — людямъ науки“. „Эти командиры въ борьбѣ съ невѣжествомъ — говоритъ онъ — повели насъ на бой съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ — некультурностью и незнаніемъ. Они связали насъ въ одну братскую семью, въ одно дружеское общество. По мѣткому замѣчанію одного рабочаго, мы — кирпичи, а ученые — строители, которые складываютъ зданіе, связывая его, какъ цементомъ, своими познаніями и хорошимъ отношеніемъ къ намъ“. Затѣмъ всѣ „командиры“ были переименованы и „заслуги ихъ были почтены вставаніемъ, громомъ рукоплесканій и сердечными пожеланіями“. „Поистинѣ — повѣствуетъ корреспондентъ „Рус. Вѣд.“ — это была трогательная минута. Представители труда горячо и искренно благодарили людей науки, пришедшихъ имъ на помощь; знаніе и трудъ вступили въ единеніе, въ тѣсный союзъ, отнынѣ, будемъ надѣяться, неразрывный“. Да, „поистинѣ трогательно!“ Особенно, если помнить, что за этимъ „союзомъ знанія и труда“ кроется союзъ труда и политическаго гнета. Ликуйте же, господа, ликуйте! А подъ шумъ вашего ликованія ваши новые друзья — Зубатовы и К°, съ министрами во главѣ — будутъ окружать и васъ и вашихъ братьевъ сѣтью шпіонства и провокаторства, будутъ, опираясь на вашу миролюбивую пропаганду и на силу кнута, давить среди вашихъ братьевъ всякое проявленіе истинно свободной мысли и свободнаго чувства, всякій боевой порывъ къ свободѣ отъ гнета буржуазіи и правительства, какъ давили они раньше тюрьмой, ссылкой, пулей, нагайкой. Ликуйте же, господа, ликуйте! Васъ не затронутъ ни пули, ни нагайки! Вы — нищіе духомъ, вы премудрые пискари. На вашей улицѣ праздникъ; ваша пропаганда идетъ рука объ руку съ пропагандой жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій. А что ждетъ васъ впереди, какія „трогательныя картины“ могутъ предстать передъ глазами наблюдателя, можно видѣть хотя бы изъ примѣра вашихъ почтенныхъ сотрудниковъ по части „самодѣятельности“ — членовъ харьковской рабочей кассы взаимоо спектакляхъ въ непокладистой газетѣ. Болѣе утонченный способъ борьбы придумалъ костромской антрепренеръ. Воспользовавшись тѣмъ, что авторъ непонравившейся ему рецензіи въ мѣстной газетѣ — лицо поднадзорное, онъ прибѣгъ къ содѣйствію властей предержащихъ. И вотъ рецензентъ былъ приглашенъ въ полицію и тамъ ему отъ имени жандармскаго управленія было воспрещено дальнѣйшее сотрудничество въ газетѣ. Чтобы придать этому запрещенію видъ законнаго, была сдѣлана ссылка на 24 ст. Полож. о политическихъ поднадзорныхъ, воспрещающую поднадзорнымъ содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и службу при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей и рабочихъ.

---

*) Мы не говоримъ уже о либеральной интеллигенціи. Въ газетѣ „Пермскій Край“ намъ пришлось уже прочитать привѣтствіе администраціи по поводу минскихъ рабочихъ собраній и минскихъ артелей. Привѣтствовалось тамъ именно пробужденіе въ администраціи сознанія противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ. Не помнимъ, принадлежала-ли эта замѣтка самому „Пермскому Краю“ или была перепечатана безъ оговорокъ.

(Жаль, что не сообщено также имя этого антрепренера-„добровольца". Ред.)

Одинъ изъ многихъ (Некрологъ). Генералъ инженеръ путей сообщенія, начальникъ закавказскихъ жел. дорогъ, г. Веденѣевъ, умеръ отъ пули въ легкихъ въ январѣ 1902 г. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда былъ ярымъ противникомъ рабочаго движенія и однимъ изъ умныхъ бичей соціалдемократіи на Кавказѣ. Въ 1898 г. его распоряженіе, лишившее рабочихъ исконныхъ правъ на безплатные (разовые) билеты и т. п., вызвало грандіозную стачку, въ которой рабочіе одержали побѣду. Послѣ этого министерство думало изъять Веденѣева изъ обращенія на закавказскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но его связи въ Питерѣ принудили министерство забыть про него. Послѣ стачки 1900 года въ августѣ Веденѣевъ лично ревизовалъ библіотеку для рабочихъ при мастерскихъ ж. д. и, найдя добрую половину книгъ ненужной для рабочихъ, особымъ циркуляромъ велѣлъ ее сжечь, затѣмъ опять по циркуляру правленіе библіотеки было распущено и онъ самъ назначилъ новый комитетъ изъ лицъ благонадежныхъ, навсегда лишивъ рабочихъ права выбора правленія и возможности самимъ заботиться о своей библіотекѣ. Теперь эта библіотека, лишенная читателей-рабочихъ, еле-еле влачитъ свое существованіе.

Попеченія Веденѣева дѣлались съ каждымъ днемъ все нахальнѣе. Маломальски въ чемъ-либо замѣченные рабочіе и тѣ, которымъ приходилось сидѣть въ тюрьмахъ, послѣ оправданія увольнялись изъ мастерскихъ. Веденѣевымъ совмѣстно съ жандармеріей было постановлено: съ 1901 г. вести всѣмъ рабочимъ, просидѣвшимъ хоть недѣлю въ тюрьмѣ, особые списки, которые разсылаются по всѣмъ частнымъ заводамъ со строгимъ наказомъ при пріемѣ рабочихъ руководствоваться этими списками, причемъ и частнымъ заводчикамъ ставится въ обязанность вести такія же тетрадки, которыми они ежемѣсячно обмѣниваются между собою для руководства. На этотъ наказъ выхлопотали подпись Главноначальствующаго краемъ, при чемъ нарушившіе сіе повелѣніе подвергались денежнымъ взысканіямъ. Затѣмъ онъ выпустилъ циркуляръ къ начальнику мастерскихъ и смотрителю бюро, въ которомъ строго-на-строго повелѣвалось начальникамъ — направить теченіе Куры обратно съ востока на западъ (какъ они сами выражались), — т. е. сократить число рабочихъ грузинъ и армянъ и на мѣсто ихъ принимать татаръ и персіанъ, какъ болѣе покорныхъ, воздерживаться отъ пріема русскихъ рабочихъ, но въ крайнемъ случаѣ русскихъ предпочитать армянамъ и грузинамъ; дѣтей грузинъ и армянъ не принимать въ качествѣ учениковъ въ мастерскія, а по мѣрѣ возможности вербовать ихъ изъ татаръ и персіянъ, изъ депо мастерскихъ слесарей грузинъ и армянъ уволить и вакантныя мѣста замѣщать рабочими другихъ національностей. Несчастные начальники этимъ распоряженіемъ были поставлены между двухъ огней — уволить грузинъ и армянъ, которыхъ замѣнить нельзя, за неимѣніемъ татаръ и персіанъ, значило пріостановить работу въ мастерскихъ и въ депо; съ другой стороны, ихъ мучило — какъ же отвѣтить увлекающемуся репрессіями Веденѣеву? сейчасъ же послѣдуетъ его гнѣвъ — хорошо, если все это кончится однимъ выговоромъ. Послѣ двухнедѣльныхъ такихъ колебаній, несчастные холопы доложили „Бабѣ-ягѣ",*) что послѣдній циркуляръ отъ пункта до пункта невыполнимъ. Вотъ къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Веденѣевъ для искорененія крамолы среди рабочихъ. Вѣрный всегда своей задачѣ, Веденѣевъ въ августовской стачкѣ 1900 г. ни за что не уступалъ, предпочитая громадные убытки (въ день триста тысячъ руб.), какіе дорога несла по поводу стачки. Вызванному имъ саперному батальону платилось за работу въ мастерскихъ вдвое больше обыкновенной платы рабочаго. Въ дни управленія Веденѣева дорога выгоняла большую экономію на счетъ мелкихъ служащихъ и рабочихъ. Машинисты, зарабатывавшіе до него въ мѣсяцъ 170-190 руб., стали выгонять едва 100 руб., помощники вмѣсто 60-70 руб. — по 40-45 руб., а о кочегарахъ и говорить нечего. Премію за смазку и топливо вначалѣ выдавалъ въ 6-8 мѣсяцевъ разъ, а потомъ раза два отказалъ въ виду убытковъ, понесенныхъ дорогой, а потомъ и вовсе пересталъ ее выдавать.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Веденѣевъ былъ вѣрный служака, умѣлъ воровать*), — казна бывала довольна и его карманъ вѣчно полонъ. Кто бы ни былъ неизвѣстный убійца, — сознательный-ли рабочій, или вышвырнутый имъ изъ управленія дороги приниженный чиновникъ, онъ вѣрно подхватилъ настроеніе рабочихъ, и тысячи устъ матерей, женъ и сестеръ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, будутъ благословлять стрѣлка и мѣткую пулю.

Тифлисскій рабочій.

Въ № 8 нашей газеты мы помѣстили сообщеніе о столкновеніи ссыльнаго Гуревича съ врачемъ Марчевскимъ (въ Енисейскомъ уѣздѣ). По этому поводу мы получили слѣдующее письмо:

„Въ 8 № „Искры" имѣвшій мѣсто въ Енисейской губ. случай съ негодяемъ врачемъ Марчевскимъ переданъ неточно. Когда больной съ приставомъ и „понятыми" въ сопровожденіи товарища Даргольца, приглашеннаго приставомъ для снятія допроса, пришли въ больницу, то, когда этотъ врачъ поднялъ руку на больного, Г. Даргольцъ далъ ему пощечину, за что М. привлекаетъ его къ отвѣтственности по 285 ст. Улож. о нак., какъ за оскорбленіе дѣйствіемъ чиновника при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Чиновникомъ врачъ считается какъ состоящій на государственной службѣ. Теперь тов. Д. грозитъ наказаніе, какъ гласитъ эта глава — отъ 8 мѣс. до 2½ лѣтъ тюремнаго заключенія. Конечно, есть смягчающія вину обстоятельства, какъ защита больного товарища, но еще вопросъ, какъ отнесется судъ. Даргольцъ еще привлекается тѣмъ же врачемъ за клевету въ печати, потому что Даргольцъ обо всемъ случившемся написалъ въ „Сибирской жизни". — Вообще теперь за Ураломъ сильно обострены отношенія между ссыльными и администраціей. Чаша переполнена, и терпѣніе у многихъ лопается. Недавно одного товарища „за дерзкое обращеніе" съ администраціей (онъ выгналъ сотскаго послѣ того, какъ тотъ ему успѣлъ порядкомъ надоѣсть) выслали къ чорту на кулички, гдѣ 10 домовъ и 25 чел. населенія, а почта, конечно, никогда не приходитъ".

О той же исторіи другой товарищъ пишетъ:

„Гуревичъ жаловался прокурору Красноярскаго Окружнаго Суда; прокуроръ отвѣтилъ, что на основаніи 1085 ст. Устава угол. суд. жалоба Гуревича передана губернатору. Марчевскій въ объясненіи, отосланномъ губернатору, сдѣлалъ доносъ на своего предшественника: тотъ-де находился подъ вліяніемъ административныхъ „жидковъ" и избаловалъ ихъ, выдавая безпрепятственно медицинскія свидѣтельства о мнимыхъ болѣзняхъ. Когда онъ (Марчевскій) сталъ относиться „добросовѣстно" къ своимъ обязанностямъ, то его стали всячески травить и, наконецъ, побили при исполненіи служебныхъ обязанностей.

„Второй доносъ Марчевскій сдѣлалъ на политическаго ссыльнаго въ Пинчугѣ Зива (студ. мед. изъ Одес. унив.), который будто бы занимается недозволенной медицинской практикой.

„Когда въ Богучанахъ заболѣлъ полит.-ссыльный Левинъ, то по необходимости обратились къ Марчевскому. Тотъ сталъ ругаться и отказался идти. Пришлось вызвать его черезъ становаго. На больного, бывшаго въ состояніи, близкомъ къ обмороку, онъ тоже кричалъ.

„Наконецъ, послѣдовала генералъ-губернаторская резолюція. Всѣ богучанцы, кромѣ Левина и Рачковскаго, были разселены по притокамъ Ангары въ деревушкахъ, верстахъ въ 100-150 отъ Богучанъ, куда нѣтъ тележнаго пути, и почта поэтому ходитъ рѣдко и неаккуратно: Даргольцъ въ дер. Бѣдобу, Нудельмана (сильнѣйшее нервное разстройство) въ Петропавловское на Чунѣ, Гуревичей въ Петропавловское на Мурѣ, а Свѣтицкаго (съ больной женой и двумя дѣтьми), не принимавшаго абсолютно никакого участія, въ Чернявское на Мурѣ, Корнюховъ высланъ на границу Кежемьской волости.

„Поведеніе Марчевскаго разсматривалось красноярскимъ общ. врачей. Доносъ на предшественника нашли несовмѣстимымъ съ достоинствомъ не только врача, но и всякаго порядочнаго человѣка. По поводу Богучанской исторіи предложили ему привлечь автора корреспонденціи въ „Сибир. Жизни" къ суду за клевету".

помощи, удостоившихъ выборомъ въ почетные члены харьковскаго губернатора.

Впрочемъ, и теперь можно поздравить васъ съ вступленіемъ одного изъ вашихъ руководителей на этотъ путь признательности передъ правительствомъ. „Большое спасибо — говорилъ вашъ ученый „строитель", г. Озеровъ, на вашемъ 13-мъ засѣданіи — „большое спасибо винной монополіи, что она положила въ основу борьбы съ алкоголизмомъ, устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ", и спасибо это мотивировалось именно тѣмъ, что Мин. Финансовъ сознало потребность рабочихъ въ клубахъ и милостиво пошло ей навстрѣчу*). Г. Озеровъ старается увѣрить васъ, что г. Витте спитъ и во снѣ видитъ, какъ бы угодить рабочимъ, и васъ не смутили эти похвалы по адресу государственнаго плута, вы покрыли рѣчь г. Озерова рукоплесканіями... „Большое спасибо" г. Озерова заслужено г. Витте, очевидно, созданіемъ попечительствъ о народной трезвости. Эти попечительства, какъ извѣстно, радѣютъ о народномъ просвѣщеніи, о предоставленіи рабочему люду пріятныхъ" развлеченій и возможности насквозь пропитаться вѣрноподданническимъ духомъ. Вотъ хотя бы московское попечительство. Оно выстроило въ Москвѣ „народный домъ" со всякими прелестями: читальней, аудиторіей и строго трезвеннымъ буфетомъ. Въ Харьковской губ. попечительства тоже хлопочутъ объ устройствѣ „народныхъ домовъ", и въ Волчанскомъ уѣздѣ одинъ уже открытъ. Въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи попечительства тоже открываютъ и будутъ открывать повсюду, рядомъ съ царскими кабаками, чайныя, читальни, библіотеки, „народныя чтенія". И вездѣ будутъ они своими книжками, лекціями и туманными картинами затуманивать сознаніе трудящихся, учить ихъ терпѣнію, посту и молитвѣ, покорности и благодарности начальству. Мин. Финансовъ предполагаетъ отпустить для этой цѣли попечительствамъ „особыя средства", а такъ какъ нынѣшній каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для безплатныхъ читаленъ, очевидно, не удовлетворяетъ потребностямъ нужнаго правительству „просвѣщенія", то, съ одной стороны, предполагается расширить этотъ каталогъ, а съ другой — тотъ же г. Витте „въ случаѣ надобности" хочетъ издать серію народныхъ книгъ" для своихъ попечительныхъ клубовъ. То-то будутъ книжечки! Надо полагать, наиболѣе цѣнныя изъ этихъ будущихъ произведеній столоначальниковъ Департамента Полиціи будутъ, по примѣру недавняго прошлаго, „рекомендовать" для обязательнаго распространенія среди рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Ну, г. Озеровъ, расшаркивайтесь! А мы замѣтимъ вотъ что: дѣятельность попечительствъ и издательскій проектъ Витте подчеркиваетъ другую сторону созидательной части правительственной политики: правительство, ради большаго успѣха искорененія смуты, беретъ въ свои руки устную и литературную пропаганду духа „смиренномудрія, терпѣнія и любви" къ рабству.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

О петербургской рабочей организаціи. Какъ пишутъ изъ Петербурга, къ началу минувшаго года число членовъ мѣстной рабочей организаціи доходило до 300. Массовыми арестами и высылками въ первой половинѣ 1901 г. полиціи не удалось вырвать съ корнемъ молодое, но живучее дерево. Система провокаторства примѣнялась широко. Въ концѣ 1900 г. образовалъ свой кружокъ и предложилъ свою квартиру для собраній провокаторъ Андроновъ, ткачъ отъ Максвеля (чел. семейный, лѣтъ 35-40, средняго роста, брюнетъ, онъ нанималъ собственныхъ рабочихъ-портныхъ). Ему не удалось проникнуть на собраніе представителей кружковъ Невскаго района, а потому вредъ, причиненный имъ организаціи, не былъ слишкомъ большой. Это удалось провокаторамъ на Выборгской сторонѣ и на Путиловскомъ заводѣ. Имъ удалось присутствовать на праздникѣ, устроенномъ рабочими Нарвскаго района при встрѣчѣ новаго 1901 г., и вредъ, причиненный ими, былъ очень значительнымъ.

Рабочіе слишкомъ стремительно расширяютъ свою организацію; — они при этомъ не достаточно строго соблюдаютъ тотъ пунктъ устава организаціи, который требуетъ, чтобы въ собранія представителей вновь избранные рабочими члены допускались тогда, когда они съумѣютъ вполнѣ доказать свою искреннюю преданность дѣлу рабочихъ и достаточную степень конспиративности. Обращаемъ на это вниманіе петербургскихъ товарищей. Въ нашемъ дѣлѣ должно исчезнуть русское „авось"; каждый шагъ впередъ долженъ быть смѣлымъ, но глубоко обдуманнымъ. Одна маленькая ошибка можетъ погубить цѣлый рядъ товарищей, можетъ сдѣлать много вреда всему дѣлу.

Орѣхово-Зуево.

Насколько наши хозяева Морозовы особенно боятся всякаго протестующаго элемента среди рабочихъ, можно будетъ видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Часто бываетъ, ч. какой либо рабочій, ищущій мѣста, является къ фабрикѣ съ желаніемъ получить работу, но это не всегда удается, если даже требуется на работу именно такой рабочій, какимъ является ищущій мѣста. Посмотритъ его паспортъ одинъ прохвостъ мастеръ, посмотритъ другой прохвостъ и возвращаютъ обратно съ неизмѣннымъ „не нужно". Иной рабочій замѣчаетъ, что это не спроста, а есть какая то чертовщина, но какая? Вѣдь вотъ же онъ видитъ который разъ, какъ принимаютъ людей послѣ его пришедшихъ или только что предложившихъ свои услуги. Ходитъ, ходитъ такъ онъ къ фабрикѣ, пока не убѣдится что это безполезно и свалитъ всю неудачу на свою якобы непонравившуюся физіономію. И онъ правъ. Русскій рабочій обязанъ имѣть двѣ физіономіи: т. е. одну естественную, которой его надѣлила родительница или вообще природа, а другую полицейскую въ интересахъ огражденья разнаго беззаконья. Это — паспортъ и потому въ Орѣховѣ обращаютъ главное вниманіе на физіономію полицейскаго характера и если эта физіономія совершенно чиста, тогда есть шансы на поступленье. Но бѣда, если на паспортѣ окажется штемпель Петербурга, Москвы или другого большого города. Напрасно бѣдняга, владѣлецъ такого паспорта, будетъ просить работы, просить о принятіи его на фабрику, не удастся ему поступить по той причинѣ, что въ Морозовскія фабрики не принимаютъ рабочихъ изъ столицъ или тѣхъ городовъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе. А гдѣ оно теперь не существуетъ? У насъ же на Морозовскихъ фабрикахъ не все темная деревня и много есть товарищей, у которыхъ голова не совсѣмъ забита поповской околесиной и Назаровскимъ фарисействомъ. И все же администрація отдаетъ предпочтенье синимъ портамъ только что явившимся изъ деревни для скудныхъ заработковъ. Потому мы совѣтуемъ товарищамъ, пріѣзжающимъ изъ столицъ для поступленья, брать чистый паспортъ и не признаваться въ томъ тяжеломъ преступленьи (съ точки зрѣнія Морозовыхъ), что работали въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе.

На Морозовской фаб. существуетъ книга „порочныхъ", и это не просто такъ себѣ, а на самомъ дѣлѣ фундаментально поставлено, какъ будто въ департаментѣ полиціи, и если разъ попалъ въ нее, то пиши пропало, поступить на фабрику больше не удастся; если попалъ подъ слѣдствіе въ государственномъ преступленіи и обвиненъ, то тоже въ Орѣхово ѣздить незачѣмъ, ибо Министерство Внутрен. Дѣлъ ежемѣсячно присылаетъ исписанные листы съ сотнями лицъ, осужденныхъ за стачки и др. государственныя преступленія, на имя здѣшняго пристава и уже отъ послѣдняго поступаютъ въ контору съ помѣткой „секретно" и вносятся въ книгу „порочныхъ". Подумаешь, какіе „порочные" люди эти рабочіе! если они вздумали повысить свою заработную плату или не согласились на пониженіе расцѣнковъ. Мало этого, Мин—во считаетъ своимъ долгомъ сообщать объ осужденныхъ въ Сибирь на разные сроки. Тутъ уже списокъ пестритъ: Художникъ, Докторъ, Учительница, Студентъ, и т. п. выслать туда то въ Забайкалье, на столько лѣтъ и по распоряженію Е. В. П. М. В. Д. жительство во Владимірской губерніи воспрещено, „на фабрику не принимать".

Какіе же пороки фабричная администрація находитъ за своими рабочими? и какая для нихъ корысть изъ всего этого? Случаевъ для этого не занимать стать: получилъ рабочій грошовое единовременное пособіе за какое либо увѣчье — туда его т. е. въ книгу порочныхъ, доработался рабочій на фабрикѣ до неспособности къ труду — туда его; назвала рабочаго администрація неблагонадежнымъ — туда его, за предосудительное поведеніе — туда его, за подпояску шнурка (если на фабрикѣ рабочій подпояшется хозяйскимъ шнуркомъ) — туда его, и многое другое, ему же нѣтъ конца.

Очевидно, мало и этого оказалось, и для дополненія беззаконія устроили постоянную „комиссію", нѣчто вродѣ тайнаго судилища, въ него вошли фабр. механики и техники подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго читателямъ эскулапа Базилевича. Эта комиссія признала нужнымъ записывать всякій грѣшокъ (вольный и невольный) рабочаго, дабы при всякомъ случаѣ можно было навести справки обо всякомъ рабочемъ, какъ онъ себя велъ въ теченіи тѣхъ лѣтъ, которые проработалъ на фабрикѣ. Для большей наглядности приводимъ справку, которая показываетъ, на сколько отвратительна та тина которая обвилась вокругъ насъ, Орѣхово-Зуевскихъ рабочихъ.

Подлинникъ.

Справка о живущемъ на фабрикѣ Т—ва Никольской М—ры.

Имя	Иванъ.
Отечество	Васильевъ.
Фамилія	Смирновъ.
Губерніи	Тульской.
Уѣзда	Веневскаго.
Волости	Узуновской.
Деревни	Глубокой.
Лѣта	56.
Сколько лѣтъ раб. на фаб.	23.
Увѣчье	Имѣетъ.
Должность	Рабочій при подъемной машинѣ.
Гдѣ раб.	на Б. Ф.

Свѣдѣнья квартир. отдѣла:

1) На его боченкѣ съ квасомъ загорѣлась тряпка. Штр. . . . . 1 р.

2) Пьяный на коридорѣ громко говорилъ, что старшіе всѣ подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но онъ не слушался, за что взятъ въ сторожку штр. . . . . 2 р.

3) На улицѣ пѣлъ громко пѣсни, за непослушаніе посадили въ сторожку, о чемъ доложено завѣдующему хоз. частью.

Помѣтка Г. Егорова.

За непослушаніе выселить на вольную квартиру.

Подписано Г. Егоровъ.

Свѣдѣнья фабрики.

1) За поздній выходъ на работу . . . . . 50 к.

За поздній выходъ . . 50 к.

За грубость мастеру штр. 1 р.

Одѣлся за 5 минутъ до окончанія . . . . . 50 к.

За непослушаніе . . 40 к.

За многоглаголанье . . 50 к.

Жаловался Инспектору, что ему выдали плохую говядину . . . . . . 1 р.

Подписано И. Гаранинъ.

(старшій конт. бумагопр. фабр.)

Проситъ вознагражденья за увѣчье (помѣт. квар. отдѣла).

(атестація либерала завѣдующаго фабрикой):

Человѣкъ неблагонадежный, грубьянъ, работникъ такъ себѣ. Просимаго не заслуживаетъ. Подписано: Александръ Федотовъ.

Замѣчанія больницы объ увѣчьяхъ:

1) Какъ передано съ фабрики, онъ находился въ нетрезвомъ видѣ, по своей неосторожности попалъ въ кожанный блокъ, причемъ ему отрѣзало два пальца правой руки и помяло конецъ 3-го. Особыхъ увѣчій не было. Подписано: врачъ Базилевичъ.

2) При разборкѣ ящиковъ по своей неосторожности получилъ ушибъ въ спину. Находился на излеченіи въ больницѣ 28 дней.

Подписано: врачъ Базилевичъ.

Резолюція Саввы Морозова:

Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать.

Подписано: С. Морозовъ.

Вотъ и конецъ этой грустной исторіи: ломалъ, ломалъ человѣкъ свою жизнь, изувѣчился и ни одного добраго слова, потерялъ свою жизнь, оставилъ пальцы Морозову и за все это 50 р. на дорогу, дабы онъ не вздумалъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ.

Рабочій.

Ст. Брянскъ. (М.-К.-В. ж. д.) Въ половинѣ октября начальникъ 5-го участка службы пути г. Виницкій (къ слову сказать, скотъ, какихъ мало) сбавилъ поденнымъ рабочимъ, получающимъ и безъ того не богъ вѣсть сколько, — 50 коп. въ день, — по 5 коп. Рабочіе, въ числѣ 40 человѣкъ, рѣшили забастовать. 17 октября рабочіе съ утра на работу не пошли, а когда смотритель зданія и кладовщикъ пришли и стали ихъ звать на работу, то рабочіе сказали, что на работу не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не прибавятъ жалованье. До обѣда больше ихъ не тревожили. Рабочіе послѣ обѣда собрались возлѣ конторы 5-го участка и, вызвавъ г. Виницкаго, повторили свое требованіе о прибавкѣ. Виницкій отказалъ. Тогда рабочіе потребовали разсчетъ и проѣздные билеты. — Не знаю, что побудило г. Виницкаго, спѣшка-ли (ожидался проѣздъ коммиссіи) или боязнь за цѣлость своей шкуры, но только г. Виницкій уступилъ, прибавивъ по 10 коп. въ день, такъ что теперь рабочіе получаютъ 55 коп., вмѣсто прежнихъ 50 коп.

---

*) Такъ здѣсь называли Веденѣева.

*) Во время ревизіи, назначенной въ 1898 г., воровство Веденѣева было обнаружено до такой степени, что онъ сталъ притчей во языцѣхъ во всемъ Тифлисѣ.

*) Это спасибо г. Озерова какъ нельзя болѣе подходитъ къ духу того либеральнаго журнала, въ которомъ онъ сотрудничаетъ, — „Русской Мысли". Въ августовской книжкѣ этого органа редакція публично благодаритъ правительство за снятіе съ журнала предостереженія. Эта благодарность преподносится Мин. Внут. Дѣлъ послѣ мартовской и майскихъ боенъ, произносится надъ свѣжимъ трупомъ „Жизни"! Какъ мало нужно иному либералу, чтобы онъ сподличалъ...

Изъ Брянскаго завода (Орловской губ.). Нельзя не отмѣтить халатнаго отношенія нашей заводской администраціи къ своимъ обязанностямъ, благодаря чему у насъ чуть-ли не каждый день несчастные случаи съ человѣческими жертвами. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) 26 октября въ мостовомъ корпусѣ во время обѣденнаго перерыва, упершись въ приводной валъ (такъ какъ онъ былъ на разстояніи $^3/_4$ арш. отъ стѣны), плотникъ Власъ Балабинъ, 21 года, прорубалъ стѣну. Увлекшись работой, онъ и не замѣтилъ, какъ прошло обѣденное время. Машинистъ, не давши сигнальнаго свистка (котораго, вопреки уставу промышленности объ уходѣ за паровыми машинами, уже нѣсколько лѣтъ не было) пустилъ машину въ ходъ. Балабина накрутило на валъ и начало бить о стѣну и о желѣзные кронштейны. Онъ лишился обѣихъ ногъ. Администрація, желая избавить себя отъ отвѣтственности, распорядилась о постановкѣ свистка, который къ вечеру и былъ поставленъ.

2) 3 дек. въ чугунно-литейномъ цехѣ при отливкѣ наложницъ прорвавшаяся расплавленная масса облила двухъ литейщиковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ черезъ сутки, а другой, хотя и остался живъ, но раньше полугода не вылечится. Какъ этотъ случай, такъ и рядъ другихъ являются послѣдствіемъ чрезмѣрной скупости нашей заводской администраціи. Такимъ образомъ, благодаря тому, что начальство не хочетъ дѣлать расходовъ для того, чтобы орудія производства были въ исправности, намъ, рабочимъ приходится платить за это своею жизнью.

3) Многія изъ заводскихъ зданій пришли въ ветхость и грозятъ обрушиться. 11 ноября одно изъ такихъ разлѣзающихся по всѣмъ швамъ зданій обрушилось, при слѣд. обстоятельствахъ: зданіе это, не смотря на то, что и стѣны и крыша его желѣзныя, сильно обветшало, стѣны расползались въ разныя стороны и ихъ только и удерживали толстые желѣзные пруты да желѣзныя балки, стягивающія стѣны. Въ этотъ день директоръ и пріемщикъ должны были принимать желѣзные листы. Листы эти надо перевозить черезъ это злополучное зданіе, но желѣзныя связи и балки препятствовали проходу подъемнаго парового крана. Тогда одно изъ начальствующихъ лицъ, П. Е. Маркинъ, велѣлъ перерубить связи, а также прорубить въ балкахъ мѣста для прохода крана. Лишившись послѣдней своей опоры, зданіе обрушилось, похоронивъ въ своихъ развалинахъ 7 человѣкъ.

Час. къ 8 веч. пострадавшіе были отрыты; изъ нихъ четверо убиты наповалъ, трое раненыхъ, изъ нихъ Филиппъ Бабковъ тяжело: у него переломлены обѣ ноги и пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова. Бабковъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей.

Брянскій рабочій.

Наши потребительныя общества. Въ обществѣ потребителей при Коломенскомъ машиностроительномъ зав. (Москов. губ.) обнаружены большія хищенія и злоупотребленія администраціи. На дняхъ въ лавкѣ найдена масса протухшей солонины и ветчины, какъ говорятъ, до 1000 пуд. Разборъ дѣла показалъ, что это мясо закупилъ уже испорченнымъ бухгалтеръ лавки, — человѣкъ наемный отъ потреб. общества. Члены правленія лавки, инженеры Коломенскаго завода Отцке, Афанасьевъ и другіе, принудили ревизіонную коммиссію, состоящую изъ мастеровыхъ и мелкихъ служащихъ, принять это мясо. Залежи тухлаго мяса были опечатаны полиціей по заявленію рабочаго, состоящаго при лавкѣ, — онъ не въ состояніи былъ продолжать перетаскивать тухлое мясо изъ подваловъ на возы для отправки его коломенскому купцу. Была отправлена депутація отъ рабочихъ къ администраціи завода съ заявленіемъ о желаніи созвать экстренное собраніе потребителей. Инженеръ Отцке увѣрялъ, что собраніе излишне, онъ обѣщалъ покрыть убытки лавки надбавкой 5 коп. на пудъ муки и выдать въ концѣ года тѣ же 10% дивиденда; при чемъ усиленно настаивалъ на томъ, что, смѣщая его изъ членовъ правленія, они этимъ ничего не выиграютъ, такъ какъ не получатъ никакого дивиденда; онъ просилъ, чтобы „не марали его чести". Вызванный директоръ-хозяинъ сталъ на сторону инженеровъ, назвалъ депутатовъ „бунтовщиками", осмѣливающимися его безпокоить изъ-за какихъ-то пустяковъ.

По заводу въ настоящее время ходятъ опросные листы: желаютъ рабочіе собранія потребителей или нѣтъ. На голосованіе оказываютъ сильное вліяніе мастера. Администрація постарается обставить дѣло такъ, чтобы его провалить.

Нижній-Новгородъ. Въ ночь на 21 дек. по всему городу были расклеены и разбросаны прокламаціи по поводу усиленной охраны. Онѣ читались многими и вызвали великое смятеніе среди полиціи. Въ ночь на 22 декабря были распространены прокламаціи Нижегородскаго Комитета на фабрикахъ и заводахъ по тому же поводу. Теперь каждую ночь разъѣзжаютъ по улицамъ усиленные конные патрули.

Вамъ писали уже о прокламаціяхъ на Добровскомъ зав. (одна прокламація) и на Калашкинскомъ (три прокламаціи). На сормовскихъ заводахъ были выпущены въ октябрѣ и ноябрѣ двѣ прокламаціи, одна къ рессорщикамъ, другая къ кузнецамъ. Дѣло въ томъ, что въ Сормовѣ систематически, хотя незамѣтно и постепенно, понижаютъ расцѣнки. Когда понизили расцѣнки рессорщикамъ, они, почти всѣ, бросили работу. На ихъ мѣсто поставили кузнецовъ и выписали рабочихъ изъ Москвы. Имъ же предложили разсчетъ. Нѣкоторые опять встали на работу, но многіе ушли съ завода. Въ ноябрѣ понизили расцѣнки кузнецамъ. Они ходили къ фабричному инспектору, тотъ обѣщалъ вступиться, но, конечно, ничего изъ этого не вышло. Наконецъ, недавно понизили расцѣнокъ въ мѣдно-литейной. По этому поводу была выпущена прокламація ко всѣмъ сормовскимъ рабочимъ въ довольно большомъ количествѣ. Она была всюду распространена, даже наклеена во многихъ мѣстахъ и вызвала много разговоровъ. Въ мѣстахъ, гдѣ были наклеены листки, собирались толпы народа и читали ихъ. Начали ходить слухи, что будетъ „бунтъ". На администрацію они тоже произвели впечатлѣніе. Для предупрежденія и устраненія безпорядковъ заблаговременно были посланы въ Сормово войска, хотя никакихъ безпорядковъ тамъ не было. Они устроили маневры передъ заводомъ, пострѣляли въ цѣль и потомъ возвратились назадъ. По этому поводу Комитетъ обратился съ письмомъ „Ко всѣмъ офицерамъ Н.-Новгорода". Кромѣ этихъ изданій, Комитетъ выпустилъ „Нижегородскую Раб. Газету".

Кромѣ Комитета, здѣсь образовалась еще одна соц.-демократическая группа, которая выпустила № 1 „Раб. Летуч. Листка", и еще одна революціонная группа безъ названія, которая издала листки: „Къ народу", „Къ крестьянамъ", „О Добролюбовѣ" и „Объ усиленной охранѣ".

Правила объ усиленной охранѣ, расклеенныя на столбахъ, всюду вызываютъ разговоры — рабочіе очень озлоблены, о нихъ идетъ разговоръ даже среди пригородныхъ крестьянъ, пріѣзжающихъ въ Нижній въ базарные дни. „Скоро возстаніе будетъ, плохо живется народу", разъясняютъ имъ ихъ „политики".

Оренбургъ. Постройка Оренб.-ташкентской ж. д., начавшаяся этимъ лѣтомъ, вызвала массу „недоразумѣній" между подрядчиками и рабочими. Рабочихъ обирали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что условія работы очень неудовлетворительны, система штрафовъ, ничѣмъ не сдерживаемая,*) практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рабочихъ просто обманывали при разсчетахъ. Управленіе жел. дор. передало постройку подрядчику, тотъ, въ свою очередь, передалъ другимъ подрядчикамъ и т. д., такъ что рабочіе получали часто работу изъ третьихъ, даже четвертыхъ рукъ. Обезпеченіе въ уплатѣ денегъ съ подрядчиковъ не бралось, и вотъ при разсчетахъ поздней осенью почти по всей линіи подрядчики не доплатили рабочимъ денегъ. „У насъ нѣтъ — намъ самимъ тоже не заплатили". Начались судбища (для чего нужны средства — платить пошлины, адвокатамъ и т. д.), но и выигравъ дѣло, рабочіе не могли получить своихъ заработанныхъ грошей. Подрядчики объявляли себя несостоятельными или начинали новое дѣло съ другимъ подрядчикомъ. Въ тоже время подрядчики предлагаютъ рабочимъ идти на мировую — вмѣсто рубля получить 60-80 коп., и рабочіе шли на эту сдѣлку: не на что было жить, наступала къ тому же зима. Большинство рабочихъ — крестьяне изъ голодающихъ губерній. Озлобленіе сильное и противъ подрядчиковъ, и противъ администраціи, которая держитъ ихъ сторону. Стачки были мелкія у отдѣльныхъ подрядчиковъ.

Изъ **Оренбурга** высылаютъ евреевъ за неимѣніемъ „права жительства", начали съ осени, примѣняютъ мѣры безцѣльной жестокости: разоряютъ ремесленниковъ, даютъ на сборы 24 часа, о грубости администраціи не говоримъ... Попадаются случаи и незаконной (!) — какъ будто законъ о чертѣ еврейской осѣдлости „законенъ" — высылки. Подано нѣсколько жалобъ въ сенатъ. Высылками возмущаются, да только про себя.

Сарапулъ (Вятской губ.). Три четверти населенія нашего города занято въ производствѣ обуви. Во главѣ производства стоятъ заводы: Барабанщикова, Михѣева, Дедюхина, Смагина и Пѣшехонова, изъ которыхъ на каждомъ работаетъ отъ 200 до 500 чел. На заводахъ происходитъ, главнымъ образомъ, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п.; большая же часть работы производится ручнымъ трудомъ, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имѣетъ всѣ темныя стороны кустарнаго производства: безконечный рабочій день, который передъ сдачею обуви хозяевамъ захватываетъ нерѣдко нѣсколько ночей подрядъ, низкая (поштучная) заработная плата и т. п. Разъ въ недѣлю являются ремесленники на заводы съ готовою обувью для сдачи и получаютъ плату за работу. Сдача нерѣдко сопровождается значительными прижимками сдачечниковъ хозяйскими пріемщиками, при чемъ иногда слышатся въ толпѣ безсильныя проклятія по адресу эксплуататоровъ (сцена изъ „Ткачей" Гауптмана). Раздѣленіе труда развито довольно сильно, такъ что рѣдко можно встрѣтить сапожника, который могъ бы сшить пару сапогъ, начиная съ кройки ея, безъ посторонней помощи. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ неимѣніемъ собственнаго сырого матеріала, ставитъ ремесленниковъ въ кабальное положеніе по отношенію къ хозяину. Бѣдныя жилища, которыя служатъ и мастерскими, недостатокъ воздуха, свѣта и одежды, скудное питаніе, худыя, блѣдныя лица членовъ семьи — вотъ обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дѣти его въ большинствѣ случаевъ не оканчиваютъ школы и рано засаживаются за работу, пріобрѣтая всевозможныя болѣзни, до чахотки включительно, которая находитъ себѣ благопріятную почву. Мнѣ вспоминается страдальческая смерть Поли Вар., 16 лѣтъ, умершей отъ чахотки и водянки; трудно описать отчаяніе матери, посадившей ее съ 10 лѣтъ за строчку паръ.

На заводахъ часть рабочихъ является приходящею, другая живетъ тутъ же на хозяйскихъ харчахъ. Обстановка труда на заводахъ немногимъ лучше домашней работы: грязныя, тѣсныя, безъ свѣта и безъ воздуха, мастерскія, господство всѣхъ видовъ внѣ-законной эксплуатаціи рабочихъ, царство мастеровъ и приказчиковъ, грубость въ обращеніи — являются характерными ея признаками. Женскій и дѣтскій трудъ примѣняется въ изобиліи, при чемъ сплошь и рядомъ встрѣчается обходъ закона о предѣльномъ возрастѣ занятыхъ на работѣ дѣтей, такъ что нерѣдко 10-11 лѣтнія дѣти значатся въ конторскихъ книгахъ 13-14 лѣтними; фабричный инспекторъ этого, конечно, не видитъ. Въ хозяйскихъ казармахъ господствуетъ невылазная грязь; харчи — постная пища, съ преобладаніемъ воды и хлѣба, такъ какъ благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасеніи душъ нечестивыхъ рабочихъ. Заработная плата низка, рабочій день на однихъ заводахъ, согласно закону, — $11^1/_2$ час., а на другихъ, гдѣ хозяева побойчѣе, и рабочіе посмирнѣе, — 12 и 13 час. Тяжесть положенія чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они вздыхаютъ, жалуются на свое положеніе, придумываютъ разныя палліативныя средства, но радикальнаго выхода изъ него не видятъ. Ремесленники мечтаютъ объ открытіи общихъ мастерскихъ для нихъ, о потребительныхъ и производительныхъ товариществахъ, но дальше не идутъ. Только изрѣдка то на одномъ, то на другомъ заводѣ являются попытки рабочихъ улучшить свое положеніе. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, извѣстныхъ мнѣ, я разскажу дальше...

Въ январѣ 1900 года всѣ живущіе на хозяйскихъ харчахъ рабочіе завода Дедюхиныхъ забастовали, выставивъ слѣдующія требованія: очистка казармъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ, еженедѣльная баня для рабочихъ; вмѣсто чугуновъ для чая — самовары; вмѣсто голыхъ досокъ для спанья — войлоки съ подушками, ежедневно мясные щи съ $^1/_4$ ф. мяса на чел. и т. п. Хозяева сразу сдались, пораженные неожиданностью этого явленія. Началась чистка казармъ, изъ кухни понесся запахъ мясныхъ щей, потянулись возы съ войлоками и самоварами... Это былъ настоящій свѣтлый праздникъ для рабочихъ. Они ходили повеселѣвшіе, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Настроеніе сильно повысилось; шли разговоры безъ конца. Но радость не могла долго продолжаться, такъ какъ кромѣ уничтоженныхъ золъ, въ ихъ трудовой жизни оставалась цѣлая бездна еще болѣе важныхъ, съ которыми предстояла продолжительная борьба. Ровно черезъ двѣ недѣли забастовалъ вторично уже весь заводъ, выставивъ требованія о сокращеніи рабочаго времени на полчаса, а въ субботу на одинъ часъ, о расширеніи помѣщенія мастерской, о вентиляціи, освѣщеніи и т. п. На сей разъ гг. хозяева бросились искать защиты у начальства: увѣдомили городскую полицію, вызвали фабричнаго инспектора и дали знать въ вятское жандармское управленіе. Прискакавшій инспекторъ предварительно позавтракалъ у хозяевъ, и явившись на заводъ, отказался говорить со всѣми рабочими, требуя отъ нихъ выборныхъ для переговоровъ. Рабочіе наотрѣзъ отказались исполнить это, и онъ принужденъ былъ выслушать ихъ требованія. Послѣ продолжительныхъ увѣщаній рабочихъ, онъ, наконецъ, согласился и сталъ мягко уговаривать ихъ начать завтра работу, обѣщая немедленно вывѣсить новыя правила о сокращеніи рабочаго дня (до 11 час., кажется) и приступить къ исполненію другихъ ихъ требованій. Затѣмъ отправился въ контору закусить. Работы начались, но новыя правила не появлялись, и черезъ нѣсколько дней рабочіе опять бросили работу, не смотря на обѣщанія управляющаго. Тогда хозяева поспѣшили вывѣсить новыя правила... Новая побѣда, — новая радость для рабочихъ! Черезъ мѣсяцъ предстояла, кажется, полугодовая „ряда" рабочихъ съ хозяевами, и рабочіе готовились уже предъявить новое требованіе — повышеніе заработной платы. А между тѣмъ, вѣрные царскіе слуги приступили къ дѣлу обнаруженія вредныхъ вліяній: начались обыски у рабочихъ, началось тасканіе ихъ на допросы къ жандармскому полковнику. На помощь мѣстнымъ изъ Вятки было командировано сюда еще нѣсколько жандармовъ. Началось выворачиваніе души и квартиръ рабочихъ, осмѣлившихся требовать улучшенія своего горькаго положенія. При обыскѣ у Николая Злыгостева, перерывъ весь домъ, всѣ сараи и амбары, перекопавъ весь снѣгъ во дворѣ, энергичные опричники отправились въ баню, отстоящую чуть не на версту отъ дома, среди пустыря, и нашли тамъ двѣ нелегальныя книжки: „Что нужно знать и помнить каждому рабочему" и „Какъ англійскіе рабочіе боролись за свободу". Крамола найдена. Н. Злыгостева берутъ въ тюрьму. Но всѣ дальнѣйшіе поиски и допросы остаются тщетными. Только одинъ мастеръ съ завода (къ сожалѣнію, не помню его фамиліи), значилъ очень сочувствовавшій рабочимъ, при первомъ же допросѣ принесъ жандармамъ слезное покаяніе съ попыткою оговорить Злыгостева и другихъ рабочихъ. Но онъ ничего важнаго не далъ имъ, кромѣ пріятнаго сознанія, что этотъ мастеръ подлый предатель, — значитъ, ихъ слуга. Продержавъ Злыгостева три мѣсяца въ тюрьмѣ, не имѣя никакихъ фактовъ противъ него, его выпустили, отдавъ подъ гласный надзоръ. Другою жертвою явился рабочій Жуковскій, сосланный въ нашъ городъ на три года. Ему прибавили еще годъ наказанія и выслали въ Яранскъ. Между тѣмъ хозяева, пользуясь общимъ смятеніемъ, провели „ряду" безъ ущерба для своего кармана. Позднѣе рабочіе добились сокращенія рабочаго дня въ субботу для дѣтей еще на полчаса.

Во время всѣхъ этихъ событій на другихъ заводахъ господствовало возбужденное состояніе среди рабочихъ, шли безконечные разговоры, происходили частичныя столкновенія рабочихъ съ начальствомъ, но до общаго движенія дѣло не дошло. Лѣтомъ того же года на заводѣ городского головы Пѣшехонова произошло слѣдующее событіе: хозяинъ удлинилъ рабочій день на полчаса безъ согласія рабочихъ, приказавъ кончать работу вмѣсто 11 час. въ $11^1/_2$ час. Рабочіе не повиновались и уходили обѣдать по обыкновенію въ 11 час. Тогда Пѣшехоновъ устроилъ свистокъ и отдалъ строгій приказъ кончать работу по свистку. Въ день перваго дебюта новаго свистка онъ пріѣхалъ на заводъ со своимъ сыномъ-инженеромъ, Леонидомъ. Подъ горячими лучами солнца стояли они среди заводского двора, предвкушая удовольствіе побѣды. Но вдругъ... о ужасъ! ровно въ 11 час. растворились одновременно двери всѣхъ мастерскихъ, и плотная рабочая масса хлынула на дворъ, обходя метавшихъ громъ и молніи Юпитеровъ. Образованный сынокъ покраснѣлъ, и изъ устъ его полились на головы ослушниковъ угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д. Новый свистокъ не помогъ, и хозяинъ принужденъ былъ уступить рабочимъ. Не безынтересно замѣтить, что этотъ же городской голова г. Пѣшехоновъ, имѣя въ своихъ мастерскихъ ламповое освѣщеніе, ставилъ въ счетъ рабочимъ керосинъ и разбитыя ламповыя стекла. Возмущенные этимъ, рабочіе забастовали. Тогда хозяинъ обратился къ полиціи, и на мѣсто дѣйствія немедленно явился храбрый исправникъ съ приставами и полицейскими. Но въ отвѣтъ на ругань исправника мускулистые кулаки рабочихъ сжались крѣпко и со злобою направились въ сторону гнѣвнаго начальства. Исправникъ со своею свитою бросился бѣжать, а во слѣдъ храброму воинству полетѣли камни, палки, посыпались остроты.

Одновременно съ вышеописанною стачкою на заводѣ Дедюхиныхъ, въ воткинскомъ желѣзодѣлательномъ казенномъ заводѣ, въ 60 верстахъ отъ Сарапула, происходило слѣдующее: рабочіе механическаго цеха забастовали, потребовавъ сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ въ субботу. Громадной толпой они отправились къ квартирѣ начальника. Увидавъ рабочихъ, начальникъ струсилъ и заперся въ своей квартирѣ. Но вынужденный настойчивыми требованіями рабочихъ выйти, онъ съ перваго же слова объявилъ свое согласіе, и, дѣйствительно, выполнилъ требованія стачечниковъ. Получилось слѣдующее явленіе: механическій цехъ въ субботу кончаетъ работу и расходится, а другіе цехи работаютъ еще часъ. Тогда же сразу обнаружилось сильное недовольство въ рабочихъ остальныхъ цеховъ, но до открытой борьбы не дошло еще.

Нужно замѣтить, что еще зимою 1899 года въ воткинскомъ заводѣ была распространена нелегальная литература. Рабочіе съ большимъ интересомъ набросились на нее, читая за работой, во время отдыха и на улицахъ. Началось броженіе среди рабочихъ, острыя столкновенія съ мастерами и начальствомъ. Жандармерія тотчасъ была пущена въ ходъ. Благодаря неосторожному обращенію съ литературою, недостаточной конспираціи, жандармы быстро сдѣлали свое дѣло. Прежде всего они оцѣпили во время работъ механическій цехъ и произвели повальный обыскъ у всѣхъ рабочихъ. Масса литературы полетѣла тогда въ горны. Затѣмъ пошли домашніе обыски и 15 чел. рабочихъ были арестованы. Но ихъ продержали двѣ недѣли и выпустили. Настроеніе среди всего населенія въ то время было страшно напряженное. Мнѣ съ ужасомъ разсказывала потомъ одна купчиха, какъ она и все ея родное и знакомое купечество складывало тогда свои богатства въ дубовые сундуки и собиралось выѣхать съ ними въ Сарапулъ, потому что рабочіе-де грозили перерѣзать телеграфныя проволоки, перебить начальство и раздѣлить между собою всѣ богатства крупныхъ собственниковъ. Съ тѣхъ поръ на этомъ заводѣ не было никакихъ крупныхъ волненій, но глубокое недовольство живетъ въ рабочей средѣ, не находя пока выхода въ свѣтъ. Почва въ вышеописанныхъ мѣстностяхъ богатая, но, къ сожалѣнію, сѣятелей нѣтъ. Не разъ приходилось слышать отъ самихъ рабочихъ: „дайте намъ человѣка, съ которымъ мы могли бы посовѣтоваться, который научилъ бы насъ, тогда у насъ быстро пойдетъ дѣло".

ИЗЪ БРЮССЕЛЯ.

Письмо въ редакцію „Искры".

Брюссель, 31 дек. 1901 года.

Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что состоявшейся международной соціалистической конференціи. На ней присутствовали делегаты: отъ Франціи Вальянъ и Жеро-Ришаръ; отъ Германіи Каутскій и Зингеръ; отъ Голландіи Фанъ-Коль и Трульстра; отъ Соединенныхъ Штатовъ Герронъ; отъ Англіи Гайдмэнъ и Куэльчъ; отъ Польши Войнаровская; отъ Россіи Кричевскій и вашъ покорный слуга; отъ Бельгіи Ансель и Вандервельдъ, а также секретарь международнаго бюро Викторъ Серви.

Въ числѣ очередныхъ вопросовъ не было ни одного изъ тѣхъ, отъ рѣшенія которыхъ въ ту или въ другую сторону зависятъ судьбы движенія и при обсужденіи которыхъ неизбѣжно загораются страсти. Впрочемъ, международное бюро не имѣетъ и право рѣшать эти великіе вопросы. Его задачи гораздо скромнѣе: оно должно проложить путь для сближенія и для единодушнаго дѣйствія соціалистовъ всѣхъ странъ на почвѣ тѣхъ рѣшеній, которыя приняты другими, болѣе компетентными инстанціями (національными и интернаціональными съѣздами). Не удивительно поэтому, что международному соціалистическому бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Такъ, въ первомъ же засѣданіи его перваго съѣзда ему пришлось обсуждать споръ, давно ведущійся между англійской Независимой Рабочей Партіей (Independent Labour Party) и соціалдемократической Федераціей (Social-Demokratic Federation) по вопросу о представительствѣ въ Бюро. Конференція рѣшила, что въ январѣ будущаго года должно быть созвано въ Лондонѣ собраніе изъ представителей обѣихъ англійскихъ соціалистическихъ фракцій для улаженія этого спора.

Изъ другихъ практическихъ рѣшеній укажу на слѣдующее: каждой изъ представленныхъ въ Международномъ Бюро націй, кромѣ двухъ делегатовъ, предложено выбрать еще секретаря или — въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ двѣ соціалистическія фракціи — двухъ секретарей, для сношеній съ Международнымъ Бюро.

Далѣе рѣшено печатать на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ бюллетень международнаго движенія. Но этотъ бюллетень будетъ выходить не въ видѣ особаго изданія, а на страницахъ уже существующихъ органовъ: „Neue Zeit" въ Германіи; „Mouvement Socialiste" въ Франціи; „Social-Democrat" въ Англіи; „De Nieuwe Tijed" въ Голландіи. Само собою разумѣется, что періодическимъ изданіямъ другихъ странъ ничто не препятствуетъ воспроизводить этотъ бюллетень на своихъ страницахъ. Думаю, что „Искра" и „Заря" съумѣютъ извлечь изъ него все, что можетъ быть интереснаго для русскаго читателя-соціалиста.

Парижскій международный соціалистическій конгрессъ 1900 г., какъ извѣстно, постановилъ, что слѣдующій конгрессъ состоится въ 1903 г. въ Амстердамѣ. Теперь наша конференція точнѣе обозначила время созванія этого конгресса: онъ состоится въ половинѣ августа. Въ январѣ 1903 г. секретарь Международнаго

---

*) Для работъ по постройкѣ жел. дорогъ дѣйствуетъ „уставъ о подрядахъ и поставкахъ", въ которомъ нѣтъ и намека на обезпеченіе интересовъ рабочихъ, общее же фабричное законодательство на нихъ не распространяется.

Бюро обратится съ воззваніемъ къ рабочимъ партіямъ и соціалистическимъ организаціямъ всѣхъ странъ, приглашая ихъ прислать на конгрессъ своихъ представителей и заранѣе обозначить тѣ вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсужденію.

Укажу, наконецъ, на то постановленіе конференціи, согласно которому при Международномъ Бюро въ Брюсселѣ должна быть организована международная соціалистическая библіотека. Соціалисты всѣхъ странъ настоятельно приглашаются посылать въ нее всѣ свои изданія.

Перехожу теперь къ тѣмъ рѣшеніямъ конференціи, практическое значеніе которыхъ опредѣляется ихъ политическимъ содержаніемъ.

По почину Каутскаго и Зингера, конференція единогласно рѣшила сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Международное Соціалистическое Бюро, собравшись на конференцію въ Брюсселѣ 30 дек. 1901 г., самымъ энергичнымъ образомъ протестуетъ во имя соціалистическаго пролетаріата всѣхъ странъ противъ политики германизаціи въ прусской Польшѣ, гдѣ прусское правительство не отступаетъ передъ самыми варварскими мѣрами для того, чтобы силой принудить польское населеніе отказаться отъ родного языка.

„Бюро клеймитъ также лицемѣріе и двоедушіе господствующихъ классовъ, которые не находятъ достаточно словъ для выраженія своего негодованія противъ англійскаго варварства въ Трансваалѣ и которые, съ другой стороны, одобряютъ и поддерживаютъ самый позорный гнетъ, налагаемый правительствомъ на поляковъ въ Германіи. Бюро приглашаетъ польскій рабочій народъ искать защиты противъ подавленія его духовной и національной культуры, равно какъ и противъ его экономической эксплуатаціи, подъ знаменемъ международной соціалдемократіи и всѣми силами содѣйствовать ускоренію ея побѣды, которая одна только можетъ принести полную духовную и матеріальную свободу и равенство“.

По поводу „имперіализма“ конференція, по предложенію Гайдмэна, единогласно высказалась такъ:

„Международное соціалистическое бюро снова обращаетъ вниманіе рабочихъ всего свѣта, какъ соціалистовъ, такъ и не соціалистовъ, на имперіалистскую политику, которой держатся всѣ страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служенія экономическимъ интересамъ класса капиталистовъ.

„Несмотря на непріязнь, которая возникаетъ по временамъ между отдѣльными націями, этотъ классъ, взятый въ цѣломъ, вездѣ дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ для поддержанія своего всемірнаго господства.

„Если въ послѣднее время Англіей совершено было много преступленій въ Южной Африкѣ, а Соединенными Штатами на Филиппинскихъ островахъ, то съ другой стороны вся Европа, въ союзѣ съ Соединенными Штатами и съ Японіей, совершила въ Китаѣ цѣлый рядъ несправедливостей и жестокостей, кладущихъ отвратительное пятно на исторію нашего времени.

„Тѣ страшныя послѣдствія, которыя несетъ съ собою для порабощенныхъ народовъ капиталистическая эксплуатація и которыя мы видимъ въ англійской Индіи, — гдѣ 230 милліоновъ людей были совершенно разорены англійскими вымогательствами, въ Ирландіи, въ Польшѣ, въ Африкѣ и въ Азіи, ведутъ эти народы къ нравственному униженію и къ матеріальному обѣдненію.

„Господствующіе классы пользуются имперіализмомъ и шовинизмомъ для того, чтобы противодѣйствовать вредному вліянію капиталистической конкурренціи, и для того, чтобы ослабить возрастающее вліяніе соціализма въ такое время, когда опустошительный промышленный кризисъ господствуетъ во всѣхъ странахъ.

„Международное Бюро горячо взываетъ къ рабочимъ всего міра, убѣждая ихъ не поддаваться интригамъ буржуазныхъ государственныхъ людей, не вѣрить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и съ возрастающей энергіей стремиться къ полному сплоченію въ особую партію рабочаго класса, которая объединится на международной почвѣ для уничтоженія привилегій буржуазіи“.

Наконецъ, въ двухъ заявленіяхъ, предложенныхъ русскими делегатами и поддержанныхъ польской делегаткой, В. Войнаровской, конференція заклеймила реакціонныя и жестокія дѣйствія нашего правительства. Вотъ эти заявленія:

1) „Международное Соціалистическое Бюро единодушно протестуетъ противъ русскаго правительства, которое, ради своихъ реакціонныхъ цѣлей, нарушило конституцію финляндскаго народа и, недавнимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, почти совершенно закрыло евреямъ доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія.

„Международное Соціалистическое Бюро тѣмъ болѣе считаетъ себя обязаннымъ протестовать противъ этой послѣдней мѣры, продиктованной антисемитами, что еврейскіе рабочіе-соціалдемократы, своей неутомимой дѣятельностью, оказали большую услугу международному пролетаріату“.

Подписано:

Плехановъ. Кричевскій. В. Войнаровская.

„Международное Соціалистическое Бюро клеймитъ ненавистный русскій деспотизмъ, который еще разъ покрылъ себя кровью, произведя 7 мая 1901 г. бойню среди рабочихъ Обуховскаго зав. въ Петербургѣ во время манифестаціи, происшедшей въ связи съ празднованіемъ перваго мая и заставивъ затѣмъ свой холопствующій судъ приговорить (въ концѣ сентября 1901 г.) къ каторжнымъ работамъ и тюремному заключенію 29 жертвъ, произвольно выхваченныхъ изъ числа обуховскихъ манифестантовъ.

„Бюро посылаетъ свое братское привѣтствіе героямъ борцамъ, русскимъ рабочимъ, свидѣтельствуя о горячемъ сочувствіи, которое международный соціализмъ питаетъ къ ихъ освободительной борьбы противъ царизма, „этого врага соціализма и демократіи“.

Подписано:

Кричевскій. Плехановъ. Войнаровская.

Около 6 час. вечера окончилось послѣобѣденное, — второе и послѣднее — засѣданіе конференціи, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанамъ съ тѣмъ, чтобы, подкрѣпивъ свои силы, снова сойтись въ 8 часовъ на большой международный митингъ, о которомъ заранѣе возвѣщено было въ центральномъ органѣ бельгійской партіи „Le Peuple“ и въ особыхъ афишахъ. Я не стану передавать содержанія тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены на этомъ митингѣ делегатами всѣхъ странъ: говорилось то, что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ. Прибавлю только, что какъ вашъ покорный слуга, такъ и другой русскій делегатъ сочли своимъ долгомъ указать западноевропейскимъ товарищамъ на могучій и непрерывный ростъ русскаго рабочаго движенія и на постоянно обостряющіяся столкновенія русскаго пролетаріата съ царизмомъ. Такія указанія не безполезны, такъ какъ на Западѣ даже соціалисты очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Россіи. Но для русскихъ читателей въ нихъ новаго ничего нѣтъ, и потому я не распространяюсь о нихъ, предпочитая отмѣтить то поднятое настроеніе, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную „Праздничную залу“ („Salle de Fêtes“) брюссельскаго „Народнаго Дома“. Бельгійскій пролетаріатъ ведетъ теперь чрезвычайно энергичную борьбу съ реакціонной частью буржуазіи за всеобщее избирательное право. Духъ борьбы наполняетъ сердца бельгійскихъ рабочихъ, и потому каждое энергичное слово иностранныхъ делегатовъ встрѣчало восторженный откликъ со стороны ихъ слушателей. Я не разъ присутствовалъ на большихъ политическихъ собраніяхъ бельгійскихъ рабочихъ, но еще никогда они не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія.

Но пріятнѣе и сильнѣе всего поражало участіе въ митингѣ дѣтей и подростковъ рабочаго класса. Эти малолѣтніе и несовершеннолѣтніе пролетаріи стройно и торжественно пропѣли цѣлый рядъ пѣсенъ въ честь иностранныхъ делегатовъ. Когда смолкла послѣдняя пѣсня, я взглянулъ на своего сосѣда Валльяна: „Quelle belle Soirée“! (какой пріятный вечеръ!), воскликнулъ до глубины души тронутый борецъ коммуны. И дѣйствительно, мы прекрасно провели этотъ вечеръ.

Повторяю, бельгійскій пролетаріатъ находится теперь въ періодѣ ожесточенной борьбы. Наши бельгійскіе товарищи-соціалисты твердо убѣждены, что ихъ реакціонное правительство уступитъ только силѣ, и надо видѣть, какъ систематично и обдуманно ведутъ они дѣло революціонной агитаціи!*) Они не вступятъ въ открытый бой раньше времени; но когда они вступятъ въ него, ихъ врагъ будетъ побѣжденъ, — въ этомъ невозможно сомнѣваться. По всему видно, что бельгійскіе соціалисты придерживаются „тактики-плана“.

Бельгійскій пролетаріатъ завоюетъ всеобщее избирательное право. Это будетъ новымъ, огромнымъ шагомъ впередъ въ рабочемъ движеніи Бельгіи. Но этотъ новый шагъ будетъ въ этой странѣ началомъ такого же „кризиса въ соціализмѣ“, какой переживаетъ теперь Франція. Я думаю, бельгійскій соціализмъ вынесетъ этотъ кризисъ, какъ вынесъ его и французскій, но я не могу не находить, что „цѣна прогресса“ бываетъ по временамъ довольно высока.

Г. Плехановъ.

Г. Плехановымъ внесено въ Бюро за русскую соціалдемократію 100 фр — половина падающаго на Россію взноса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскіе товарищи просятъ насъ сообщить слѣдующій фактъ:

„Харьковскій октябрскій провалъ 1900 г., какъ многіе изъ массовыхъ проваловъ послѣднихъ лѣтъ, ознаменовался нѣкоторыми печальными событіями, требующими непремѣнно самой широкой огласки. Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, поведеніе Воейкова. Воейковъ, рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, человѣкъ сравнительно уже немолодой, достаточно развитый и интеллигентный, занималъ выдающееся положеніе среди харьковскихъ рабочихъ. Помимо своей весьма успѣшной пропагандистской и агитаторской дѣятельности, онъ особенно важную роль сыгралъ во время извѣстной харьковской маевки 1900 г., когда онъ открыто выступилъ во главѣ тысячной толпы, руководилъ ею, и отъ ея имени обратился съ рѣчью къ губернатору, которая произвела сильное впечатлѣніе не только на рабочихъ, но и на представителей администраціи. Арестованный 16 мая вмѣстѣ въ другими рабочими, онъ черезъ три мѣсяца былъ отправленъ на три года въ Вятскую губернію. Въ ноябрѣ, послѣ провала, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сосланными рабочими былъ привезенъ изъ Малмыжа (Вятской губ.) въ Харьковъ, гдѣ послѣ недѣльнаго тюремнаго заключенія открылъ передъ жандармами всю душу и принесъ повинную. Въ настоящее время онъ возвращенъ изъ ссылки и живетъ въ томъ же Харьковѣ, гдѣ произошло его возвышеніе и гнусное паденіе!

„Поступокъ Воейкова ввергъ въ большое уныніе всѣхъ сидѣвшихъ. И вотъ одинъ изъ интеллигентовъ, назовемъ его N., довольно солидный уже человѣкъ, не первый годъ вращающійся въ революціонной средѣ, рѣшаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ, когда жандармамъ все уже извѣстно, когда имѣются такія вѣскія улики, какъ показанія Воейкова, самое лучшее покончить съ дѣломъ, дать показанія, взять нѣсколькимъ лицамъ вину на себя и выгородить „молодыхъ“. Не говоря уже о томъ, что выгораживать никого нельзя было, что если кое кто изъ молодыхъ и былъ нѣсколько причастенъ къ дѣлу, то относительно него были въ свою очередь предательскія показанія, не говоря о томъ, что выгораживаніе въ такихъ случаяхъ возможно лишь при разрѣшеніи выгораживаемымъ давать показанія противъ товарищей и чистосердечно раскаяться, что, слѣдуетъ думать, не входило въ планы г. N., не говоря, слѣдовательно, о безсмысленности самаго рѣшенія, оно ни въ коемъ случаѣ не могло быть допустимо съ принципіальной стороны, и поэтому товарищъ, которому N. сдѣлалъ это предложеніе, отвергъ его съ негодованіемъ. Несмотря на это, N. рѣшаетъ все-таки на собственный страхъ и рискъ признать показаніе Воейкова. Полагая, что своимъ поступкомъ онъ никому вреда не принесетъ, а только ускоритъ развязку, онъ даетъ показанія, руководствуясь показаніями Воейкова, при этомъ, конечно, старается одурачить жандармовъ, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, оказывается самъ въ дуракахъ. Поступокъ этотъ возмутительный и требуетъ самаго строгаго порицанія. Но какъ строго къ нему ни относиться, харьковскіе товарищи справедливо думаютъ, что квалифицировать его одинаково съ поступкомъ Воейкова и Ко. ни въ коемъ случаѣ нельзя. N. никого не выдавалъ (названныя имъ лица уже были давно оговорены) и никакими корыстными цѣлями не руководствовался. А если это такъ, то вполнѣ понятно, почему харьковскіе товарищи не считаютъ нужнымъ опубликовать имя даннаго лица. Здѣсь суть не въ томъ или иномъ лицѣ, а въ ложномъ пониманіи роли и задачи обвиняемаго на жандармскомъ слѣдствіи, если хотите, въ недомысліи и отсутствіи принципіальности, и поэтому здѣсь необходимо порицать поступокъ, чтобы предотвратить повтореніе подобныхъ нелѣпостей. Между тѣмъ предатель, какъ Іуда Искаріотъ, долженъ быть отмѣченъ общимъ презрѣніемъ, на вѣчныя времена, и потому мы и выставляемъ его къ позорному столбу“.

Присылая это заявленіе, товарищи желаютъ снять съ г. N. тѣнь, которую могло набросить на него сдѣланное нами въ почтовомъ ящикѣ № 8 приглашеніи харьковскимъ товарищамъ назвать его имя, чтобы опубликовать одновременно съ Воейковымъ. Наше приглашеніе было вызвано слишкомъ неопредѣленной характеристикой, данной поступкамъ г. N въ первомъ заявленіи харьковзкихъ товарищей, и заставлявшей думать, что эти поступки относятся къ одной категоріи съ поступкомъ Воейкова. Изъ настоящаго заявленія мы видимъ, что мы ошибались, и вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ харьковцевъ, что г. N. ставить на одну доску въ Воейковыми не слѣдуетъ.

РАЗВРАТЪ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ СРЕДѢ.

Намъ доставленъ слѣдующій листокъ: „Аграрно-Соціалистическая Лига считаетъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ: Въ іюнѣ этого года Н. К. Паули, высланный изъ Парижа Французскимъ правительствомъ и спрошенный его товарищами по Лигѣ о причинахъ распространившихся по этому поводу слуховъ, сообщилъ, что въ апрѣлѣ 1900 г. онъ сдѣлалъ попытку на свой личный страхъ и рискъ, безъ вѣдома товарищей, для осуществленія задуманнаго имъ революціоннаго плана, вступить въ сношенія съ русской политической полиціей и велъ съ этою цѣлью письменные и устные переговоры, которые однако скоро прекратились и не были связаны, по его плану, ни съ какимъ предательствомъ или выдачей. Лига назначила коммиссію для разсмотрѣнія этого дѣла. Послѣ разслѣдованія, настолько тщательнаго, насколько это было возможно для коммисвіи при данныхъ обстоятельствахъ, Лига пришла къ заключенію, основанному на сопоставленіи всѣхъ результатовъ детальнаго опроса Паули со всѣми извѣстными ей до сихъ поръ объективными фактами, касающимися какъ самого дѣла, такъ и личности Н. К. Паули, что эта попытка была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного. Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, Аграрно-Соціалистическая Лига заявляетъ, что Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ. Настоящимъ заявленіемъ Лига считаетъ исчерпаннымъ лишь вопросъ объ ея отношеніи къ своему бывшему члену Н. К. Паули. Лига не можетъ, конечно, считать себя компетентною въ рѣшеніи вопроса о Паули въ его полномъ объемѣ, такъ какъ это является не только внутреннимъ вопросомъ Лиги, но одинаково затрогиваетъ интересы всѣхъ революціонныхъ организацій; поэтому, если другія организаціи сочтутъ нужнымъ и найдутъ возможнымъ освѣтить вопросъ полнѣе, то Лига готова оказать имъ свое товарищеское содѣйствіе.

18 ноября 1901 г. Подписали:

Ф. Волховскій, Х. Житловскій, В. Житловская, С. Краснопольскій,
Б. Оленинъ, Е. Лазаревъ, И. Рубановичъ, Е. Серебряковъ,
Д. Соскисъ, К. Терешковичъ, Н. Чайковскій, Л. Шишко.“

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности помочь Аграрной Лигѣ „освѣтить вопросъ полнѣе“. Но мы думаемъ, что разъ Аграрная Лига считала г. Н. К. Паули своимъ членомъ и назначала особую коммиссію для разбора этого дѣла, то ей слѣдовало бы опубликовать какъ можно больше подробностей и документальныхъ данныхъ о „письменныхъ и устныхъ переговорахъ“ г. Паули съ парижскими агентами руского правительства. Пусть пріемы этого общаго нашего врага будутъ во всѣхъ деталяхъ извѣстны всѣмъ и каждому.

Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на этотъ возмутительный и позорный случай: революціонеръ вступаетъ въ сношенія съ политической полиціей! „Крайне ложный и безусловно вредный взглядъ“ на допустимость такихъ сношеній вообще — особенно вреденъ въ настоящее время, когда полиція такъ усердно старается не только силой подавить поднимающееся все выше революціонное движеніе, но и внести развратъ въ его среду, и когда громадный ростъ движенія привлекъ въ его ряды массу неопытной молодежи. Полицейскій развратъ для насъ гораздо опаснѣе полицейскаго насилія. Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы предостеречь начинающихъ практиковъ и прочнѣе запечатлѣть въ ихъ умахъ правильное понятіе о высокихъ обязанностяхъ и высокой отвѣтственности всякаго, кто берется за революціонную дѣятельность

„Общееврейскій рабочій союзъ“ („Бундъ“) праздновалъ выпускъ 25 номера своей газеты „Arbeiterstimme“ (Голосъ рабочихъ), издающейся тайно въ Россіи на еврейскомъ жаргонѣ. Возникши въ 1896 г. по иниціативѣ кружка рабочихъ, взявшихся поставить тайную типографію, „Голосъ Рабочихъ“ издается съ успѣхомъ вотъ уже пять лѣтъ и много сдѣлалъ для сплоченія сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ Литвы и Польши въ партійную организацію. Лѣтомъ 1898 г. типографія „Голоса рабочихъ“ была арестована агентами Зубатова въ Бобруйскѣ, но послѣ нѣкотораго перерыва газета снова стала выходить въ свѣтъ. Послѣ польскаго „Работника“, издавшаго уже свыше 40 номеровъ, „Голосъ рабочихъ“ является старѣйшимъ изъ числа издающихся въ Россіи нелегальныхъ соц.-демократическихъ органовъ, которому удается выходить довольно регулярно, не смотря на чрезвычайныя усилія, прилагаемыя Зубатовымъ и его командой для разгрома еврейской рабочей организаціи. Еврейскіе товарищи вправѣ гордиться этимъ успѣхомъ, котораго имъ удалось достичь только благодаря своему самоотверженію, энергіи и организаціонной настойчивости. Нашимъ организаціямъ приходится еще поучиться организаціонному умѣнію у дѣятелей „Бунда“. Привѣтствуя еврейскихъ товарищей съ выпускомъ 25 номера ихъ центральнаго органа, мы выражаемъ „Бунду“ пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ организаціи и развитія классового самосознанія еврейскаго пролетаріата.

Юбилейный номеръ „Arbeiterstimme“ (изданный, кромѣ еврейскаго, еще и на польскомъ языкѣ) содержитъ, между прочимъ привѣтствія, полученныя газетой отъ дѣятелей международнаго соціализма: Каутскаго, Бебеля, Зингера, Ж. Гэда и Вальяна.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Ростовѣ-наДону 30 октября на вокзалѣ Екатер. дор. пытались задержать человѣка, явившагося получить грузъ, въ которомъ жандармы открыли нелегальную литературу. Получатель успѣлъ скрыться. 2 декабря арестованъ Воскресенскій, въ которомъ артельщики признаютъ скрывшееся лицо. Отвезенъ въ Москву. 18 дек. арестованы по предписанію изъ Харькова С. Мелетко и Исаакъ Бродскій. Обыски у Локермана и мн. раб.

Въ Н.-Новгородѣ въ ночь на 17 ноября, кромѣ уже упомянутыхъ въ № 14, обысканы Лисовская, закройщикъ Орловъ, всѣ квартиранты того дома, гдѣ жилъ арестованный студ. Розовъ. Добролюбская выпущена.

Въ СПБ. 3-4 дек. взяты еще (см. №№ 13 и 14): ст. Ун. Китаевъ, ст. мед. В. Ковалевскій, ст. ун. Сиритонинъ, Маклашевскій, Ал. Малгенко, В. Рудницкій, техн. В. Немира, мѣщ. В. Антокольскій, ст. мос. унив. Михѣевъ, техн. Н. Клышко, техн. С. Сачеперъ, мѣщ. Тим. Батрашкинъ, пот. гр. Александровъ, врачъ Тумашевскій, С. Самгинъ, студ. унив. В. Литовъ, курс. Бархатова и г-жа Эпштейнъ. Изъ Вильны привезенъ З. Франкфуртъ. Въ Обуховскомъ заводѣ былъ обыскъ у завѣдующаго мастерской капитана Берсеньева.

Въ Вильнѣ арестованъ адвокатъ Козловскій.

Въ Томскѣ 25-26 ноября взяты врачъ на перес. пунктѣ Павловъ, его жена и фельдшерица. Кромѣ нихъ, фельдшерица Мутныхъ и еще 10 чел. У Павлова взята типографія. У него въ качествѣ кучера три мѣсяца проживалъ шпіонъ. Арестованные содержатся въ мѣстномъ острогѣ весьма плохо.

Въ Варшавѣ раб. Фел. Держинскій, бѣжавшій изъ ссылки изъ Вятской губ. и арестованный въ 1900 г. на собраніи въ Варшавѣ, приговоренъ къ 5 г. Вост. Сибири.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ 26 дек. арестовано нѣсколько десятковъ рабочихъ, человѣкъ 65 увезено въ Москву.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

За декабрь московскимъ представителемъ получено: отъ умирающаго 100 р.; за литературу: изъ Нижняго 44 р., изъ Курска 10 р., изъ Витки 65 р., изъ Воронежа 50 р.; въ Москвѣ выручено за литературу 140 р. 04 к., изъ Тамбова 5 р., въ Москвѣ черезъ З-ъ 6 р. 35 к., отъ NN 50 р., отъ предпріятія 50 р. 40 к. Всего: 520 р. 79 к. (Израсходованы на мѣстныя и организаціонныя нужды). — Отъ московской группы „Три звѣздочки“ получено 15 р. (Поступило въ кассу редакціи.)

Загр. Лигою рев. соц.-дем. получено: изъ Дармштадта 25 м., изъ Парижа 200 ф. (изъ нихъ отъ D. D L. 34 ф.), изъ Цюриха 52 м., изъ Болгаріи за „Зарю“ 4.50 ф., изъ Лозанны за литер. 75,75 фр., въ Б. получено: изъ Бродъ 13 м., за лит. 84,05 м., съ реферата и взносы 25,35 м., изъ Сибири на литер. 140 м., изъ Лондона 30 шил., отъ Русскаго Соц.-Демок. Общ. въ Нью-Іоркѣ 400 доллар., изъ Берна 161,75 фр. (въ томъ числѣ изъ Монпелье 4,15 фр. и отъ Б. К. Ф. 21,70 фр.).

Въ пользу обуховцевъ: изъ Дармштадта 150 м., изъ Лондона 35 шил., отъ жен. отд. „Кр. Кр.“ 25 руб., по листку 15 фр., сборъ въ Б. 10 мар.

Кружокъ NN проситъ насъ напечатать слѣдующій отчетъ: Съ 1 сент. по 31 дек. 1901 г. получено: отъ пріятеля 20 р., отъ „созерцателей 2 октября“ 28 р., отъ инженера 5 р., за литературу 73 р. 50 к., черезъ Худого 183 р. 50 к. Всего 320 р. — Расходъ: за доставку лит. 165 р., выслано въ „Искру“ 125 р., уплачено СПБ. Союзу за лит. 20 р. Всего 310 р.

Въ типографіи „Искры“ напечатано: „Начало демонстраціи“ (листокъ). Вышелъ вторымъ изд. № 11 „Искры“.

Въ тип. „Зари“ вышло: „Бомбардировка Благовѣщенска китайцами“ (оттискъ изъ № 4 „Зари“).

Типографія „Искры“.

---

*) Насколько трудно бельгійскому правительству бороться съ пролетаріатомъ, видно, между прочимъ, изъ такого факта: во время демонстрацій казармы нѣкоторыхъ полковъ въ Брюсселѣ приходится запирать, а къ дверямъ ихъ приставляютъ жандармовъ. Иначе солдаты присоединятся къ демонстрантамъ.